

СЕРГЕЙ ПАВЕЛЬЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Павельев

Смерть мироздания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69922672

SelfPub; 2023

Аннотация

Что нас ждет после смерти? Что если ад и рай существуют? Говард не задумывался об этом, пока жил свою обычную, может, даже счастливую жизнь. Не задумывался, пока жизнь эта не завершилась страшным событием. Не задумывался, пока не оказался в аду. Однако даже самым невообразимым пыткам демонов однажды приходит конец, и у героя появляется шанс спастись и изменить мир окутанный «Тенью» – древнейшей организацией, способной контролировать человеческий разум. Но хватит ли ему на это сил и решимости или он поддастся желанию отомстить за свои страдания? А главное, сможет ли герой найти выход из преисподней своего сознания?

Содержание

Часть 1. Ад	5
Глава 1. Страдание	5
1	5
2	10
3	12
4	21
5	32
6	38
7	46
8	50
9	57
10	62
11	67
Глава 2. Незнакомец	70
1	70
2	74
3	81
4	86
5	99
6	103
7	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Сергей Павельев

Смерть мироздания

Посвящается Никите Павельеву.

Все величайшие битвы в жизни происходят в наших головах, я верю, что ты обуздаешь свой ад в сознании и обретишь внутренний покой. Ведь лишь упав на самое дно, во мрак своего подсознания, и встретившись со своими страхами и навязчивыми мыслями лицом к лицу, человек видит путь к себе и душевному покою. Но, чтобы прийти к себе и покою, в этой яме с бесконечным дном придется побывать, однако я уверен, что как бы низко и больно ты ни пал, ты поднимешься на ноги и найдешь дверь. И помни, брат, чем дольше человек сражается с тьмой внутри себя, тем быстрее погибает его душа.

Брат, я тебя вижу, и я рядом, даже если тебе кажется, что я далеко.

Часть 1. Ад

Глава 1. Страдание

1

Из крошечной тьмы на меня взирают два желтых глаза. Бездушные глаза без зрачков, они смотрят на меня изо дня в день на протяжении... Я уже и не помню, сколько лет я здесь гнию. Меня уже не так сильно пугает внешний вид этого демона, но глаза вызывали страх всегда, как и его голос. Асмодей – князь злости, гнева и мстителей, именно он пытается меня каждый день. пытки постоянно меняются, для того чтобы тело не привыкало, но к такому привыкнуть нельзя, даже за тысячи лет. Боль забывается, и это главная причина того, что каждый раз ты испытываешь ее как новую...

– Говард, скучал по мне? – прохрипел Асмодей, его мощный голос, который шел откуда-то из глубины грудной клетки, причинял боль сам по себе. Только услышав его, ты чувствуешь, что внутри тебя что-то рвется.

Этот демон был одним из семи сильнейших в Аду. Выглядел он как крепкого телосложения человек под два метра ростом. На нем всегда была одна и та же одежда, похожая

на ту, что часто фигурирует в вестернах про Дикий Запад. Ботинки, темные штаны, длинный потертый плащ, шейный платок, металлическая черная маска, скрывающая все лицо, кроме двух омерзительных желтых глаз, на голове – кожаная шляпа, она всегда была чуть наклонена вперед и создавала тем самым пугающую таинственность. Его внешний вид вселял ужас сильнее любого демона, большинство которых выглядели как чудовища, а все потому, что Асмодей похож на человека, и ты где-то глубоко в сознании ощущаешь, что он видит тебя насквозь. Будто бы его голос, желтый свет от его глаз – это все то ужасное, что рвется из любого человека наружу, только человек это чудовище сдерживает, а тут ему дана полная свобода. И ты не знаешь, чего ожидать, ведь нет существа страшнее, чем человек, который выпустил своего демона. Конечно, ты понимаешь и то, что Асмодей – это точно не человек, что, скорее всего, его внешний вид – это оболочка, скрывающая гораздо более омерзительное чудовище, но что забавно, это еще сильнее роднит его с людьми...

– Сегодня не будет ничего особенного, лишь академическая, праведная боль, – медленно произнес Асмодей, и в темном помещении появились два деревянных столба. – Проходи, Говард.

Убежать нельзя, если попытаешься, тебя ждут мучения от всех семи демонов. Ощутить на себе все уровни боли и страдания за один день – это Ад в Аду. Да и куда бежать?

Я прошел к столбам, которые находились в центре зала

и словно подсвечивались во тьме, и сразу ощутил холодные цепи на руках. Они обвили меня и растянули к столбам. Темная комната вспыхнула теплым свечением из-за загоревшихся факелов вокруг. На стенах я увидел множество орудий пыток, большую часть из них я уже ощутил на себе раньше.

– Это мы с тобой вроде бы еще не пробовали. – Потирая кусок кожи с крюками, Асмодей снял его со стены. – Не назову это орудие утонченным, но в нем что-то есть. пытки на Земле чаще всего скучные, ведь человеческое тело слабое, не успеваешь насладиться. Но там, стоит отдать должное, есть ценители боли. Но опять же из-за жалкого тела особо не разгонишься в фантазии. Вот, например, это орудие, оно убьет человека слишком быстро, хоть жертве, конечно, так не покажется. – Асмодей хмыкнул. – Хорошо, что мы не на Земле, да, Говард?

В руках у демона находилась палка с цепью. На конце цепи – прямоугольный кусок кожи, с одной стороны которого располагались сотни изогнутых металлических крюков, размером, может, с полспички. Он любил использовать орудия пыток с Земли, ведь человек настолько извращен в жестокости, что демонам в принципе можно было и не включать фантазию. Но так происходило не всегда, иногда Асмодей устраивал дни настоящего искусства боли, на которые приходило посмотреть множество жителей Ада. Такого на Земле быть не могло. Ему стоит отдать должное, Асмодей – творец и ценитель боли. Но сегодня день земного «наслаждения».

Демон обошел меня сзади, вертя в руках орудие пыток. Раздался свист разрезающей воздух цепи. Крюки впились между ребер, обнимая их холодной сталью. Боль пронзила все тело и отдалась прямиком в мозг. Потом волнами снова спустилась в место ранения. Но я сделал лишь слышимый выдох.

– Как хорошо вошло, – громко смеясь, прохрипел Асмодей и резким движением дернул орудие на себя.

Я стиснул зубы настолько, что один из передних резцов раскололся. Стон вырвался из меня. Жаркий адский воздух пробежал по свежим ранам, что усилило боль в несколько раз.

Кусок кожи свисал с бока, оголив часть ребер, пара ребер были сломаны и торчали в сторону. Снова свист, на сей раз крюки впились по центру спины, рывок – и часть позвоночника уже не была покрыта кожей. От боли я упал на колени. Страшная, всепоглощающая боль и дикий смех позади меня – через это я прохожу каждый день, каждый... Удар, рывок, с плеча падает лоскут кожи. Я уже не могу сдерживать крик, он прорывается сам собой. Подо мной образовалась лужа крови, в которой плавали куски тела, как айсберги в кровавом океане. Кровь... Видя ее, я вспоминаю...

– Как же прекрасно. Говард, тебе нравится? – ехидно спросил Асмодей. – Вижу, что нравится. – Демон нанес очередной удар, оторвав кусок мышц с руки.

Асмодей медленным шагом, как шериф какого-то малень-

кого городка на Диком Западе, подошел и заглянул в мое лицо. Размах – и крюки впились мне в грудь. Рывок – кусок кожи и мышц с несколькими ребрами упали на пол. В бессилии я опустил голову и увидел, как сжимается и разжимается мое легкое. Испытать такую боль, оставаясь при этом в полном сознании... Сил кричать уже не было, приближалась стадия, когда ты остаешься с болью один на один.

– Людей в Аду становится меньше, поэтому очередь за тобой небольшая и у нас есть время побыть наедине подольше. – Присев возле меня, Асмодей поднял своей рукой мою голову, взяв ее за волосы. – Но с тобой невероятно скучно, Говард, ты не умоляешь. Хм. – Демон вернулся в стойку и нанес удар в голову, крюки глубоко вошли в часть черепа, несколько крюков пробили левый глаз, и тот частично выпал из глазницы. – Ты будто бы наслаждаешься или просто терпишь?

– А-р-х-х-х... – выдохнул я. На Земле я бы умер после первого же удара, который, скорее всего, и был бы смертельным, но, к сожалению, это не Земля и таких привилегий у человека тут нет.

– Что ж, Говард, увидимся завтра, завтра я придумаю для тебя нечто прекрасное, лично для тебя, Говард, – сказал Асмодей и дернул оружие на себя. Человеческая голова упала возле его ног. Демон, недолго думая, наступил на нее, и она треснула, окропив ползала своими внутренностями. – Бес, собери все здесь и отнеси в камеру остатки, – приказал де-

мон из ниоткуда появившемуся бесу.

Бесенок ловко собрал все в мешок и отнес его в камеру, где вытряхнул содержимое без остатка.

Куски человеческой биомассы начали потихоньку объединяться...

2

После пыток человек попадает в камеру восстановления – это сырая темница с тремя стенами из неизвестной мне субстанции, слизистая поверхность которой пульсирует, словно помещение живое, четвертая же стена – решетка из черного металла. Температура в корне отличается от других мест Ада – непривычно холодно. Здесь человек постепенно регенерирует свое тело, по законам Ада. Сначала формируется скелет, потом на нем начинает появляться плоть. Процесс, скажем так, не из приятных, ибо нервная ткань восстанавливается достаточно рано, и все это время ты терпишь невыносимую острую боль даже от малейшего порыва сквозняка. Словно все тело покрыто зубами, у которых оголены нервы. Может ли человек при жизни хоть мельком представить, что это такое? Думаю, нет. Это очередная пытка, которой нет конца. Такой «отдых» нам дают от основных ужасов. Ты испытываешь страшную физическую боль наедине с не менее ужасной болью твоего сознания в этой камере. Поэтому «отдых» – это невыносимое мучение, которое продолжает пыт-

ку демона, лишь в конце ты избавляешься от физической боли, когда восстановишься, но внутренняя не уходит.

Я не особо понимаю смысл Ада, на Земле я думал, что в этом месте человек должен страдать бесконечно, но здесь я понял, что это не так. После восстановления нас отправляют гулять по кругу, при этом демонстрируя истязания других. Это тоже является пыткой, ведь отвернуться от страдания другого ты не можешь, твоя воля под контролем. В Аду даже самый безжалостный человек будет сострадать другим. Так во время моих прогулок в первые годы в Аду было несколько миллиардов душ, сейчас намного меньше, поэтому пытки стали неким творчеством демонов, а не работой, как раньше. Люди на Земле перестали грешить? Не смешите. Душа после очистки попадает снова на Землю, пустая и обновленная, без памяти и чувств. Ад должен бесконечно пополняться новыми душами, но это в последнее время происходит все реже и реже. Система сломалась?

Все эти пытки заставляют человека забывать его прошлую жизнь, боль, страдания, грехи. Ты должен очиститься, разрядить душу, но, когда меня отправляют в эту камеру, я стараюсь снова все вспомнить, хоть в точности воспроизвести те события я уже не могу, в воспоминаниях появляются дыры и с каждым разом все больше и больше. Я сам себя пытаю. Как бы меня ни ломали, как бы ни очищали болью, эта боль никогда не сможет перекрыть ту, что я испытываю внутри себя. Всякая боль забывается, но я напоминаю себе о ней каждый

день. Напоминаю о дне, когда я в последний раз улыбнулся сыну, о дне, когда я в последний раз ощутил себя счастливым, о дне, когда я в последний раз уронил слезу, о дне, когда мой мир утонул в крови, о дне, когда я ощутил на себе боль, которую уже ничем не унять.

3

2020 год...

– Макс, вставай, опоздаешь в школу.

Растить сына одному – непомерно сложная задача. Его мать умерла во время родов, поэтому единственное, ради чего мне осталось жить, это он. Сын был последним ее огоньком в этом мире, и я не мог позволить, чтобы этот огонек погас.

Ему было всего тринадцать, но порой он пугал меня своими странными мыслями, которые были явно ему не по возрасту. Макс убеждал меня, что прожил сотни жизней и помнил каждую. В это трудно поверить, но мальчик безошибочно ответил бы на любой исторический факт из своих якобы прожитых жизней. Сначала я думал, что у него хорошо развита фантазия, но нет. Можно было бы сказать, что он гений, что получил эти знания в школе или еще где. Но Макс был тем еще раздолбаем, поверить в то, что ему нравится история, сложно, а в то, что он знает ее лучше любого профессора, просто невозможно. Но это было так. Называл сын таких

людей, как он, бессмертными.

– Встаю, встаю, – ответил Макс, быстро собрался и спустился вниз.

– Сегодня тебя заберет Деймос.

Деймос – мой младший брат, хоть он и ворчливый засранец, но периодически все же помогал мне, а в последнее время стал очень много времени проводить с Максом.

– Хорошо, пап. – Макс сел за стол, насыпал хлопья и принялся за завтрак.

– Звонил мистер Макензи, ты снова спорил с ним на истории? – спросил я и сел за стол напротив сына.

– Да пошел он. – Макс посмотрел на меня. – Прости. Но он утверждал, что Торквемада боролся против пропаганды ереси и сжигал людей из-за того, что был религиозным фанатиком, но на самом деле под прикрытием инквизиции Торквемада искал таких, как я, таких, кто прожил сотни жизней и помнит их.

– Ты ему так и сказал?

– Конечно нет, я просто сказал, что Торквемада был сектантом. Знаешь, что самое смешное, отец?

– Что же?

– Торквемада сам из бессмертных. Эта секта и сейчас существует, называется «Тень». Она охотится за такими, как я, внедрена глубоко в структуры власти и бизнеса по всему миру, как бы находится и на виду, и в тени одновременно. «Тень» вполне подходит под определение тайного пра-

вительства, иногда люди называют их иллюминатами, но все это, на взгляд большинства, все же является лишь конспирологической теорией. Но как же правы те безумцы, которые в это верят. – Макс положил ложку хлопьев в рот и с набитым ртом продолжил: – В наше время обнаружить подобного мне человека несложно, поэтому нам нужно вести себя осторожно, ведь «Тень» – она везде. – Макс вытянул руки и изобразил приведение. – У-у-у.

Я рассмеялся.

– Зачем этой секте убивать подобных тебе людей? – спросил я и посмотрел Максу в глаза, такие же, как у его мамы.

– Они думают, что поступают правильно, может, так и есть, ведь человек после прохождения Ада или Рая как бы перезапускается. Он теряет энергию, чувства, память. Душа становится новой, начиная путь заново. А такие, как я, не теряют память, хоть и лишаются энергии и чувств, накопленных в течение жизни. Еще одна способность бессмертных – это проявление некой суперспособности спустя несколько десятков перерождений. Один бессмертный мог свои мысли материализовывать. Это я про Иисуса. – Макс перекрестился. – Хороший был человек.

Он мне уже рассказывал об Аде и Рае, они служили чем-то вроде разрядки души, странный механизм мироздания. Однако для чего нужна эта разрядка, Макс не знал. Я не верил в Ад и Рай до его рассказов, и хотя после них я мог допустить существование Ада, но в Рай поверить никак не мог.

Не верил я в то, что столь жестокая сущность, как Бог, может дать душе покой.

– «Тень» добралась до него?

– Да, Торквемада жил за множество тысяч лет до святой инквизиции, это прозвище он оставил себе как самое влиятельное из всех его жизней, до тех событий, естественно, его звали по-другому. Многие бессмертные так делают.

– И какое у тебя самое влиятельное?

– Я из тех, кто просто живет, не был я «великим». – Макс взял стакан сока и хлебнул. – Так, продолжим. Торквемадцы использовали особое оружие, которое уничтожает душу, и никогда душа убитого больше не сможет возродиться. Этим оружием был убит Иисус и тысячи других бессмертных. В наше время его часто называют Копьем Судьбы. Я не уверен, что Копье сейчас находится во владениях «Тени», ходят слухи, что оно давно утеряно, но не исключаю, что все-таки оно может быть у них.

Мне безумно нравились его истории, сначала я боялся их, но потом верил в каждую. Спустя много лет Макс мог бы стать хорошим сценаристом или писателем, наверняка множество писателей были из бессмертных. Хотя это привлекло бы внимание «Тени», но разве что-то или кто-то может остановить гения, не говоря уже о безумце.

– А какие способности есть у других бессмертных, а у тебя?

– У меня способностей нет. Я знал бессмертных, обладаю-

щих способностью моментально обучаться или видеть судьбу, некоторые способности кажутся обыденными, например, творить музыку, но, поверь, бессмертного ты бы сразу узнал, они сильно выделяются на фоне простых смертных. Элвис Пресли, Курт Кобейн – яркие примеры. Талантливые люди часто умирают странными смертями, до них добирается «Тень». В общем и целом, мне кажется, что «Тень» убивает бессмертных ради того, чтобы те не мешали им перекраивать мир, ведь только они и могут помешать.

Вечером, прежде чем отправиться после работы домой, я зашел в пекарню. Макс обожал пироги с курицей из этого заведения. Порой мне казалось, что эти пироги он любит больше меня. Настрой был на шикарный вечер: пироги и просмотр какого-нибудь старого артхаусного фильма. Макс такие обожал в свои-то тринадцать, хотя сколько ему было по-настоящему, я не знал. Забавно вспоминать, как мальчишка обсуждает замысловатые фильмы и видит в них намного больше, чем ты.

Вернувшись домой, я вошел в гостиную и окликнул Макса, но в ответ слышал лишь тишину. Я прошел на кухню, и все, что было у меня в руках, рухнуло на пол. Передо мной были две ноги сына, которые виднелись из-под стола. Сначала я подумал, что он без сознания, но, когда я подбежал ближе, я увидел весь тот ужас, который будет преследовать меня до конца...

Тело было без головы в луже собственной крови. В шоко-

вом состоянии я упал на колени. Руки тряслись так сильно, что я не мог прикоснуться к нему первую минуту. Повернувшись, я увидел голову. Она смотрела на меня пустым взглядом, в котором погас огонь жизни.

Я закричал что есть мочи, держа на руках тело своего сына и смотря на его голову. Я подполз к ней и взял ее в руку, пока другой держал тело. Слезы застилали мой взор. Легкие сжались настолько, что я не мог дышать, не мог кричать, мой мир сжался в точку. Сложно описать то, что чувствует человек, когда теряет свой мир, когда на своих руках держит остатки этого мира и ничего не может сделать.

– За что! Мой мальчик, мой милый мальчик... – Я прикладывал голову к шее, словно надеясь на чудо. – Макс, пожалуйста. Сынок. – Слезы падали на его лоб и скатывались вниз. – Скажи что-нибудь, скажи...

Полиция приехала минут через десять после меня, видимо, их вызвали соседи. Одного из офицеров чуть не стошнило, когда он вошел в комнату и увидел, как я держу в руках расчлененное тело моего сына. Они посадили меня в машину и отвезли в участок, как только смогли оторвать меня от Макса. Я находился в таком состоянии, что не особо осознавал, что со мной делают, я полностью погрузился в себя...

– Здравствуйте, Говард. Меня зовут офицер Томас Браун, – представился полицейский уже в участке. – Мы проверили камеру наблюдения над вашей дверью, хорошо, что вы в свое время установили ее, так вот, на ней запечатлены

два человека, они входят в дом с вашим сыном. Вы должны посмотреть запись, которая сделана за десять минут до его смерти. – Офицер посмотрел на меня, убедился, что я слушаю, и продолжил: – И пять минут после, может, кого-то узнаете.

Он включил запись, и мы просмотрели ее полностью.

– Никого не узнаю, – ответил я.

– Вы не знаете, с кем ваш сын вошел в ваш дом? Это странно, сэр. При всем уважении. Ведь он не боится их, а значит, знаком с ними.

Но на самом деле я прекрасно знал, кто это, хоть они и были в капюшонах. Камера находится выше места обычной установки, поэтому по ней сложно разглядеть лицо, но я не сомневался в том, что увидел. Деймос и его военный друг. Мой брат, его походку и силуэт не спутать. Я не мог поверить в то, что это сделали они. Но если это так, я решил убить их лично. Лично!

– Мне показалось, что вы кого-то узнали, Говард. Не надо вершить правосудие самостоятельно, мы ведь все равно найдем их. Расспросим соседей, изучим записи других камер.

Найдут, и что дальше? Приговорят его к пожизненному, и то это в лучшем случае? Разве это наказание – сидеть в одиночке и читать книжки до конца дней? Или найдут у него психическое расстройство, которое наверняка у него есть, и что тогда? Свобода через несколько лет в «санатории»? Нет, он заплатит кровью.

После допроса в участке я сразу же поехал к фабрике.

Это здание Деймос купил давно, просто заброшка, которую он хотел отделать и жить на деньги от ее аренды. До этого старая фабрика была излюбленным местом наркоманов, сатанистов и прочего подобного контингента. Сомнений особо не было, что он будет именно там, вряд ли опытный военный вернулся бы домой, зная, что полиция наверняка будет искать его, если поймет, кто на записи, хотя фабрика была бы вторым местом для поисков. Но опытный военный не попался бы и на камеры, наверное, я слишком завышаю уровень навыков профессиональных солдат.

Когда я зашел внутрь и прошел вглубь фабрики, я услышал знакомые голоса, и тогда моя голова пошла кругом от чувства, которое до сего момента было мне неизвестно. Я жаждал крови. Передо мной возникал образ безголового тела моего сына и его взгляд, который сжигал мою душу. Спрятавшись за кучей мусора, я решил выждать момент.

– Деймос, тут всего тысяча долларов, – сказал Сэм, военный друг Деймоса. Вместе они служили в Ираке.

– Тебя только деньги волнуют, ты и я служим великой цели. – Такого счастливого голоса у Деймоса я не слышал никогда.

– Я перерубил мальчику голову, не ради сказок, а ради денег, – возмущенно сказал Сэм.

– Будут тебе деньги, побудь здесь, я отойду по делам.

– По каким делам?

– По очень важным, – Деймос похлопал его по плечу.

Деймос прошел мимо, но не заметил меня. Когда Деймос еле слышно хлопнул входной дверью, я взялся за нож, который до этого лежал в багажнике машины, его подарил мне как раз Деймос, когда мы ездили на охоту в том году... Сэм сидел на ржавом стуле, не подозревая о том, что к нему крадется смерть. Прыгнув на него сзади, я быстрыми движениями наносил удары ножом в бок, и когда Сэм упал на землю и перестал дышать, я не прекращал вонзать нож в его поганое тело. Я захлебнулся в ярости, захлебнулся в мести. И пока был поглощен происходящим, я ощутил режущую боль, которая началась чуть ниже лопатки и протянулась до груди, словно что-то прошло сквозь меня. Повернувшись, я увидел Деймоса. Он вонзил в мое тело клинок, который вышел насквозь. Я коснулся кончика оружия, что торчал из моей груди, будто бы не веря в это. Деймос не спеша вытащил клинок, и мир словно поплыл.

– За что ты убил его, Деймос? – захлебываясь кровью, которая хлынула из моего рта, выдавил из себя я.

– Убийцу ты только что прикончил, братец, я всего лишь выдал им его. – Деймос присел рядом со мной и медленно вонзил клинок мне в живот, не сводя взгляда с моего лица. Сопротивляться я никак не мог. – Твой сын умер от этого же ножа, который сейчас медленно убивает тебя, как же долго Сэм отпиливал его голову, – Деймос хмыкнул. – Знаешь, братец, а я мечтал об этом очень давно, убить своего «со-

вершенного» старшего брата. Я видел, как ты не поломался после смерти своей девушки. Ты остался тем же улыбчивым человеком, и я реально подумал, что твои слова о внутреннем покое верны. Что к покою в душе ты приходишь где-то в глубине себя. Но вот мир отобрал у тебя и сына... Что ты мне там говорил? Счастье – это когда ты просыпаешься и тебе хорошо, и этого чувства можно достичь, лишь разобравшись в себе, ничего кроме самого себя для покоя не надо. Так? Вот ты один. Ты счастлив, братец?

Я не мог ничего ему ответить, не мог и пошевелиться, уже не особо чувствовал свое тело. Из меня уходила жизнь. Смотря в его красные, полные злобы глаза, я не понимал, что сделал ему такого, чтобы он уничтожил все, во что я верил.

– Счастливых концов не бывает, брат, – сказал Деймос и вынул клинок.

Это были последние слова, что я слышал перед смертью. Мои глаза закрылись, и я погрузился в пучину страданий в Аду.

Хоть воспоминания и порваны, многого я уже не помню, но эти слова брата я не забуду никогда.

4

Когда твое тело полностью восстанавливается и физическая боль уходит, приходит бес, который открывает твою камеру и отводит тебя на прогулку. Прогулка нужна для то-

го, чтобы видеть страдания других, своего рода психологическое воздействие на твою суть. Ты смотришь, как кто-то другой мучается, вроде бы тебе все равно, но потом очередь доходит до твоего демона, ты смотришь, что тот делает с людьми, и понимаешь, что ты следующий. Поэтому в другой раз ты сострадаешь уже на всех уровнях Ада, и неважно, насколько мерзкими эти души были при жизни.

– Привет, бес, что там вчера Бельфегор с унылыми и чревоугодниками делал? – спросил я у беса.

Внешний вид бесов будто бы не подходил Аду, они были какие-то жалкие, смешные, маленькие горбатые голые существа, с большими ушами и носом, с мелкими бугорками вместо рогов, эти существа родились в Аду и служили лишь прислугой для демонов. Чем-то они напоминали мне Паника, одного из подручных Аида из мультфильма «Геркулес».

Я всегда интересуюсь у них про унылых и обжор, ибо в Аду я познакомился с необычным молодым человеком, который стал мне другом, и именно за уныние он попал сюда. Бельфегор – самый слабый из семи основных демонов Ада, и чтобы не казаться таким, он в последнее время устраивает унылым и жрунам такую мясорубку, что страшно даже представить. А все ради того, чтобы всего лишь выглядеть сильнее в глазах своих собратьев, стать ближе к элите.

– Устроил им очередной квест. Но вроде бы все восстановились в срок. – Бес двигался впереди, немного припрыгивая. – Говард, сегодня на прогулке вам покажут людей, кото-

рые пройдут через всех демонов, вот будет потеха.

Людам, которые совершили все виды греха, не позави- дуешь, их ждет невероятное приключение не только в мир боли, но и в мир бессознательного подчинения. Не хочется смотреть на это представление, даже зная, что такие люди – это не люди. С одной стороны, такие чудовища получили то, что заслужили, но с другой – их такими создали те же люди.

У каждого человека своя камера восстановления, они стоят рядом друг с другом, и эта цепь имеет бесконечную продолжительность. Но когда ты выходишь из своей клетки и идешь за бесом, ты проходишь эти коридоры с неистовой скоростью. Если ты во время ходьбы смотришь на другие камеры, то они пролетают мимо тебя, словно ты смотришь на них из окна поезда, хотя сам идешь обычным шагом.

– Бес, всей семьей сегодня в первых рядах будешь смотреть? – В такие дни все бесы и небольшие демоны собираются и наблюдают за происходящим вместе с людьми.

– Да, хе-хе, бесята любят на такое смотреть. – Бес открыл врата, и я увидел толпы душ вперемешку с демонами. – Ну все, я пошел, ты знаешь, куда идти.

Когда только открываются врата в пыточные Ада, обычно тебя пронзает безудержный крик душ. Эта какофония звука сильно давит на уши, особенно после того, как ты вышел из абсолютной тишины. Сегодня же «выставочный день» и пока что пытки еще не начались, поэтому здесь было необычно тихо. Но жаль, это не распространяется на запах, он все-

гда отвратителен, и ничего подобного на Земле я не ощущал, невыносимая вонь. Воздух Ада раскаленный, он сразу же обжигает легкие, которые только недавно находились в сырости, да и вообще после восстановления были нежны, как у новорожденных.

Все столпились возле первого зала, в само помещение никого не впускают, но через прозрачные стены все замечательно видно, так наверняка кто-нибудь наблюдал и за мной, внутри же создается иллюзия полного уединения с демоном. Дальше вся толпа по кругу пойдет вниз. Весь Ад выглядит как вавилонская башня, только она спускается по спирали, чтобы дойти до нижнего яруса, где злорадствует Люцифер. По центру же идет стержень из кроваво-красной энергии, которая течет снизу вверх. Помню, как-то туда прыгнула одна душа, в итоге восстанавливалась неделю, а потом ее заставляли проходить всех главных демонов снова и снова.

– Здорова, Говард, – раздался голос позади меня.

– Привет, Саня, – обернувшись, ответил я. Это был единственный человек, с которым я общался в Аду. – Как там вчера твои пытки, бес сказал, что было жестко.

– М-да, Бельфегор, видно, хочет ступень повыше. – Саня двинулся к толпе, и я последовал рядом с ним. – Готов к Адскому Диснейленду? – посмотрев назад, сказал он.

– К этому нельзя быть готовым, – угрюмо ответил я.

Саня был высокий худощавый молодой парень с темными волосами, лет двадцати, по крайней мере, на вид. Он посто-

янно пытался шутить и к месту, и нет, приправляя все это нецензурной лексикой, словно не мог сдерживать деградирующего клоуна, который засел где-то внутри него...

Первый зал, как раз таки Бельфегора, который карает за лень, уныние и обжорство – смертные грехи, наверное, самые популярные в Аду, особенно уныние. Лишь зависть может потягаться, но зависть сама часто ведет к унынию, и уныние вскоре перевешивает. На Земле в мое время этими недугами страдали миллионы, даже депрессия входит в значение «уныние», в Аду,неважно, что ее вызвало. Все мы грешны и часто при жизни совершаем разные комбинации грехов. Но если добродетель перевешивает, ты все равно попадаешь в Рай. В Аду грешники привязаны к одному уровню, к одному греху. Я так понял, принцип тут тот же, что и с добродетелью, один грех становится основным, перевешивает остальные. Но когда все грехи примерно имеют равную силу, ты проходишь все уровни боли, всех демонов, как бедняги, за которыми мы сейчас будем наблюдать. Причем не бывает так, чтобы у человека был билет, например, к двум ярусам Ада, либо к одному демону, либо ко всем.

Появился Бельфегор, маленькие бесята закричали из толпы. Выглядел этот демон не грозно, по сравнению с остальными, разве что рост был достаточно внушительным, он выше Асмодея на три головы. Бельфегор походил на человеческого старика-гиганта, с рогами и длинным языком, который не помещался в его пасть. Большие уши все были проколоты

серьгами, хвост волочился по полу, задние конечности – коровьи. Самое противное, так это то, что Бельфегор ходил голый, и было видно все его складочки и болтающиеся между ногами причиндалы. Сгорбившись, он присел на свой трон в зале.

– Сегодня у нас особенные гости, – сказал Бельфегор, так словно из него эти слова выдавили. – Пять человек, которые совершили все грехи, что есть на этом свете. Я, как и всегда, начинаю это представление. – Его противный рвущийся голос звучал так, будто бы он засыпал и резко просыпался.

– О, привет, – крикнул Саня, смотря в сторону. – Привет, говорю. Да, да, это я тебе говорю, читатель. Говард, на нас опять пялится какой-то человек. – Саня показывает, куда-то в сторону, но, как всегда, там никого. – Через книгу или смартфон смотрит на нас, через окно какое-то. Очень расплывчато вижу, не могу понять даже пол, но точно человек. Или это кот? Не, точно человек, скорее всего не из нашей реальности, но мне кажется, он нас понимает. Человек везде человек...

С Саней такое бывает, периодически у него возникают какие-то галлюцинации, он видит людей, которые, мол, читают нашу историю, это очень странно, но я к этому уже привык.

– Да ты не смотри на этого человека, он и пропадет.

Саня прищурил глаза и посмотрел еще раз в ту же сторону.

В зал с тусклым освещением завели пять человек. Четы-

рех мужчин и девушку, девушки – редкость в таком роде наказания, они изредка совершают все виды греха.

– По внешности и не скажешь, что они способны на все грехи, – сказал я.

– Неважно, как выглядят люди, внутри они все с гнильцой, – ответил Саня.

Я посмотрел на него, но ничего не ответил.

Бельфегор, не вставая с трона, взмахнул рукой. Пять тел превратились в расплавленные биомассы. Даже словами это сложно описать, будто бы их через блендер пропустили и залили желатином. Да, Бельфегор сегодня снова без церемоний, сразу показывает уровень Ада. Грешники ползали по залу, как слизи. Было видно, что им больно и они ищут место, где бы спрятаться.

– Эти пять человек загубили тысячи жизней, многие из вас в Аду по их вине, – сказал Бельфегор с явной ленью. – Начинаем.

После его слов я представил, что один из этих слизней мой брат. Я часто представляю, что Деймос проходит все виды пыток, но это лишь усугубляет мое состояние. Я вглядываюсь в толпу и все жду, когда он появится тут, но проходят года, а моего брата все нет, может, это и к лучшему, что я ищу его в толпе и не нахожу. Что я смогу сделать в Аду? Это лишь станет еще одной пыткой. Но зато я часто вижу убийцу моего сына, в воронке душ, все же душ много, и мне так и не удалось выяснить, у какого демона тот проходит испы-

тания, наличие его в Аду, вроде как должно меня успокаивать. Разве нет? Он платит за свои грехи сполна, нет демонов, чьи пытки были бы не жестоким творением чистого извращенного зла. Не стоит путать грех и преступление, преступление – это лишь побочка греха. Он в Аду не за убийство, а за то, что его побудило это сделать. Но даже зная, что существо платит за свои грехи сполна, те, кто пострадал от их зла, не обретают покоя. Мой сын мертв, и никакие пытки над его убийцей, Макса не вернут. Но я все же надеялся, что мой брат тоже в Аду, просто судьба не дает нам пересечься... Почему-то злость на брата в разы сильнее той, что я сейчас испытываю к убийце, словно ее как-то смягчила месть или же Ад постепенно стирает мои чувства?

Слизни поползли по залу, но вдруг резко замерли. Под ними растворился пол, образовав горячую смолу, они упали туда и пытались двигаться, но смола, как болото, утаскивала их в бурлящую боль. Писк от слизней начал резать уши, но бесикам, смотрящим шоу, это безумно нравилось. Бельфегор взмахнул рукой, и пол под слизнями снова стал твердым. Демон вернул им привычную людскую форму. На их теле повсюду были ожоги от смолы.

– Ха-ха. Это и есть Ад? – рявкнул один из пятерых. Его лицо выглядело безумно. – Я готов проходить это вечно.

– Так и будет, – сказал Бельфегор и улыбнулся.

– Что ты лыбишься, демон, вам меня не сломать.

– Нужно же было вам дать надежду на то, что вы сможете

терпеть Ад вечность? – Бельфегор улыбнулся. – Вы, людишки, так примитивны, находите надежду практически во всем, что бы ни случилось, вы всегда ее находите, но отобрать ее у вас очень легко. Вы говорите «надежда умирает последней», в Аду она умирает первой.

Бельфегор взмахнул рукой, и все пять человек в ту же секунду оказались на стульях, связанными по рукам и ногам. Снова взмах руки, и рты у всех людей открылись. Демон наконец встал со своего трона и подошел к стене с инструментами, которые секундой ранее появились из дыма. Взяв ножницы неимоверно больших размеров, он подошел к самому говорливому человеку.

– Что-то ты уже не такой храбрый, малыш, – сказал демон и лизнул лицо того мужчины.

Демон схватил его за ногу и отрезал ее в районе колена одним резким движением. Крик этого человека был неопишем. Крик боли у всех людей уникальный, если человек при жизни чаще всего становится копией общества, живет и контролирует свою жизнь по шаблонам, крик всегда будет разбивать шаблон, крик уникален, и демоны наслаждаются им как музыкой. Кровь все лилась и лилась из обрубка, но это Ад, тут ты не умрешь, пока тебе не разрешат. Бельфегор подошел к устройству, напоминавшему блендер, но намного большего размера и сделанному то ли из камня, то ли из костей. Он положил туда ногу. За считанные секунды нога превратилась в напиток.

– М-м-м-м, вкуснятина, – отхлебнув, сказал демон и подошел к человеку с отрубленной ногой.

Бельфегор начал заливать эту жидкость в рот грешнику. Кровавая смесь то и дело исторгалась изо рта мужчины, вместе с рвотой. Но демон одним движением руки собирал все, что выплюнула или пролила его жертва, и снова заталкивал внутрь. Медленно, с наслаждением, словно заботливый родитель, Бельфегор скормил несчастному все его тело. В конце демон вливал уже в одну голову, к которой крепились лишь внутренние органы, висящие на тонких металлических проволоках, которые демон подвизывал все с той же заботой. В конце демон отрывал и органы, и с силой запихивал их в рот этого человека, разрывая его, но в конце концов он каким-то образом засовывал все так, что оттуда ничего не выпадало, словно рот людей был черной дырой, где пропадали они сами. Голова в этот момент была жива и до сих пор все чувствовала, глаза бегали из стороны в сторону, они искали спасение, надежду, которой не было. Такие зверства демон проделал со всеми пятью людьми, потом поставил их головы в круг, чтобы они видели друг друга. Сам Бельфегор, немного полюбовавшись своей работой, ушел из зала.

– Бельфегора разозлили не на шутку, сегодня мне полная задница, Говард, – произнес Саня и взялся за голову. – Вот одному бедняге совсем не повезло, звали его по великому совпадению тоже Саней, но это лишь совпадение, – смотря в пустоту, сказал Саня. – Бельфегор уложил его возле гнезда

демонических сухопутных рыбожуков «кандиру», да, название длинноватое, потом демон ввел его в состояние расслабленности, он лишь мог смотреть, остальное тело ему не подчинялось, так эти твари воспользовались этим и через его уретру и жопу внутрь залезли и сожрали изнутри. Свое же очко и пиписька его и предали, впустив внутрь незваных гостей. Что может быть страшнее? Ну вот что? – Саня сдержал рвотный позыв. – Но знаешь что, Говард, Бельфегор не прав, надежду убить нельзя, никакими пытками, даже чрез жопу надежду не вытащить. Я до сих пор надеюсь, что за мной придет отец, и он придет.

Саня часто говорит об отце, что тот придет за ним, спасет его, вытащит из Ада. Не знаю, возможно ли это, но вера дает ему некое облегчение в Аду, а тут это как нигде нужно. Саня часто говорит мне, если отец вдруг окажется на моем уровне камер восстановления, на уровне злости и мести, чтобы я отвел его отца к нему на ярус, в камеры уныния, ибо его отец мог перепутать грех, каким страдал Саня. Историю, что произошла с ним, он мне не рассказывал. Возможно, Саня и общался со мной только ради этого шанса на спасение, но я помогу ему, если его отец действительно когда-то придет. Тем более Саня обещал и меня вытащить, а я бы с удовольствием покинул это место, даже если бы мне оставался всего день до перерождения...

Толпа последовала к следующему залу.

– Мы не можем не смотреть на это, – снова уставившись в пустоту, произнес Саня. – Ад так устроен, своей воли у нас здесь нет, вернее есть, но в нас заложено смотреть на пытки на каком-то бессознательном уровне, мы не можем отвернуться. Таков закон Ада. Ебаное демоническое воздействие. А может, автор специально хочет отсеять в сторону самых «нормальных» читателей этими пытками, оставить лишь безумных, которые дочитывают любой бред до конца, вообще история, скорее всего, будет не нормальной, ведь какой она еще может быть, если одного из персонажей зовут «Саня»...

– Ты это человеку с книгой? – Проследив за взглядом Сани, как и всегда, я ничего не увидел.

– Да, вон смотрит на нас через книгу и задается вопросом, почему мы не можем просто отойти в сторону и не смотреть на все это, вот я и решил сказать...

– Мы, как и люди на Земле, не имеем свободы воли, своих мыслей. Стоит человеку на Земле услышать о скидках или увидеть «хороший» жизненный пример, он уже через секунду будет сидеть довольный с дерьмом на дерьме, которое ему не нужно. Таков путь человека, суждено быть зомби, это касается всех сфер жизни. Только если на Земле человек все

же может это побороть, справиться с той незримой рукой, что управляет им, хоть и не хочет, то тут нет. Хотя на Земле уже тоже нельзя сопротивляться, даже если захотите. Это и есть бессознательное. Люди давно верят, что вся их жизнь, это их выбор и только их, что они живут так, как хотят, даже если понимают, что это не так, даже если видят эту чертову руку. Ха, да ничем Ад от Земли не отличается...

– Я с тобой не совсем согласен, Говард. Но доля правды в твоих словах есть.

Следующий зал был пристанищем демонической змеи Левиафана. Левиафан – каратель завистников, гигантская змея, которая не раз появлялась во многих святых писаниях, да и в художественной литературе, играх и прочем.

Зависть – это главная причина современной депрессии. Люди все время смотрят на чужие жизни, хотят равняться на «счастливых». Они задаются вопросами: почему я не достоин, быть таким, как они? почему у них все, а у меня ничего? Они завидуют чужой жизни. А потом пытаются трансформировать свою в такую вот чужую. Такие люди не живут, они сначала мечтают, а потом занимают сюжетную линию другого существа. Либо всю жизнь страдают по «упущенной» жизни, но это уже к Бельфегору. А они ведь реально упускают жизнь в любом из этих вариантов и страдают они даже не по своей жизни, а по той, которую упустили, которой завидовали, по чужой. Но это еще не так страшно, как то, что в погоне за чужими грезами, люди ломают сотни других

жизней. Человек не ценит то, что у него есть. Когда человечество стало таким ничтожным? Я снова вспоминаю брата, его зависть к этому обществу, которое все состояло из таких же, как он.

Я не понимал людей, их идеалы. Они были для меня загадкой. Почему они все стремились к одному и тому же, почему те, кто не смог достигнуть того, что их идол, так убивались по этому поводу? Почему идиолом для всех были одни и те же люди, с одними и теми же потребностями, целями и так далее? Почему в нашем мире люди перестали быть собой и стремились стать людьми, что сошли с конвейера. Словно общество создало «идеальный шаблон» человека, по которому все обязаны жить. А те, кто не согласен с общим шаблоном, ломались, ибо среди «правильных» людей они жить не могли, ведь когда все вокруг говорят, что ты «неправильный», когда ты видишь, «как надо жить», ты начинаешь в это верить. И вот эти люди сами вбивают себе в голову, что они ущербные, недостойные жизни. Понять их я не мог еще сильнее, чем «правильных». Человек потерял себя...

Целое полчище бесят внесли в зал сундук, в который были сложены головы тех людей. Сундук открылся, и оттуда вылезли уже восстановившиеся люди, они даже не подозревают, как же приятно быстро восстанавливаться. Демоны легко могут восстанавливать жертву мгновенно, но... Люди встали в ряд, прижавшись, друг к другу, даже тот мужчина, что корчил из себя бесстрашного в предыдущей комнате, уже был

сломлен, на первом же демоне. Как же быстро страх завладевает человеком...

В зале раздался скрежет со всех сторон. Люди в панике начали оборачиваться куда попало. Открылись центральные ворота, и в помещение вполз исполинский змей. На голове его возвышались шипы, каждый шип размером как минимум с человека. Огромные красные глаза освещали темный зал, как два прожектора, язык периодически высывался из зубастой пасти, издавая неприятный звук шипения и свиста. Бесконечно долго демон заползал в помещение, казалось, будто бы конца этому существу нет.

– Хорошо, что я никому не завидовал. Меня пугает один лишь вид этого змея, – шепотом сказал Саня, словно боясь, что змей его услышит. – Ты только посмотри на него, это же невозможно описать, какой пиздец. И вонь эта...

Змей взял в кольцо этих людей и приблизил свою голову к ним, смотря на них сверху вниз. Сильный свет его глаз словно загипнотизировал грешников. Они смотрели наверх с такими лицами, словно они увидели великое чудо.

– Что вы хотели бы прямо щечась? Может, лежать на пляже у моря или выпить по паре коктейлей в дорогом ресторане? – голос змея был словно заторможен, произносил слова он очень медленно.

– Хотелось бы хоть еще разок испытать на себе прохладный ветер, ведь тут невероятно жарко. Сейчас я так завидую тем людям, что находятся в прохладе, – сказала единствен-

ная девушка из группы.

– Щ-щ-щ, это можно устроить, щ-щ-щ, – приблизившись к ней, прошипел змей.

– Как же это наиграно. Она бы никогда не сказала эту хуйню в такой ситуации, – сказал Саня и посмотрел на меня. – Я будто бы дешевое шоу смотрю, хреновый сценарист из Левиафана, лучше бы без диалогов показал нам сцену. Сейчас он устроит им прохладу, я даже концовку предскажу. – Саня хотел продолжить свои великие рассуждения, но на него стали обращать внимание и он резко перестал, но потом все-таки продолжил, только уже шепотом: – Да тут нет разницы в принципе, ты смотришь на страдания и сам страдаешь. Зачем демоны вроде него придумывают какие-то странные сцены, если можно вон, как Асмодей, просто делать свою работу и делать ее с душой, если можно так сказать. А это фарс, Левиафан превратил свой ярус Ада в сериал от «Нетфликс».

Змей раскрутился из кольца, поднявшись под самый потолок и подул что есть мочи на людей. Пол превратился в море во время шторма, волны разбивались об ледяные айсберги вокруг. Пять тел бросало волнами из стороны в сторону, хруст костей этих людей был отчетливо слышен даже за шумом моря, стихия уничтожала жалких насекомых, а змей то и дело высовывал голову из-под воды. Крики воцарились над поверхностью океана.

– Тебе прохладно, щ-щ-щ? – спросил Левиафан у посилившей девушки, что болталась в океане. Она ничего ему не

ответила, да и не смогла бы. Тело сначала было переломано, а потом окоченело до такого состояния, что его уже не было, девушка превратилась в кусок льда.

Люди плавали в океане еще несколько минут, которые для них казались вечностью. Вскоре глыбы пошли ко дну, через прозрачный лед можно было разглядеть, как грешники вертят глазами, в которых лишь одно желание – умереть. Змей плавал среди этих ледяных глыб, а потом раскрыл свою пасть и начал их глотать.

Дальше нам показывают внутренности змея, куски льда медленно продвигаются все глубже и глубже. Лед ускоренно начал таять, и вот пять переломанных тел уже плавают в желудочном соке, который постепенно начинает их расплавлять. Но это было не все, в этом соке что-то двигалось. Нечто похожее на змей или червей, но вместо головы у этих существ была одна круглая пасть, похожая на присоску с зубами. Странные змеи выныривали из жидкости, хватали руки или ноги, сжимали их как удавы, конечности ломались, кости пробивали кожу и в эти отверстия они залезали полностью. Крик людей зазвучал по-новому, что взбудоражило бесов, наблюдавших за этим шоу с разинутыми ртами. Черви, проходя через все тело жертв, выползали через одну глазницу, сжирая глаз, потом вползали в другую. Со стороны сложно было представить, как такие крупные существа вообще могли протиснуться через глазницы. Это был кошмар, пока людей поедали эти черви, их еще и переваривал желудочный

сок, в котором они находились.

– Агрессивные глисты. Интересно, через какой проход он их обратно вернет? – с серьезным видом произнес Саня, внимательно смотря на происходящее.

– Саня, иногда меня пугают твои интересы, – прокомментировал я.

– Да я так, из дерьма восстанавливаться такое себе занятие. Поэтому я за концовку с тошнотой.

Я искоса посмотрел на него.

– Соберут их из дерьма и палок, а завтра опять все сначала, – сказал я. – Какая разница, через что их выплюнут.

– Ну, палок тут точно нет...

Левиафан все же пропустил их дальше, через весь кишечник и через задний проход выпустил зловонный комок, который тут же оказался в зале. Змей медленно уполз, под аплодисменты бесят, а его выделения собрали в очередной сундук.

– Им не позавидуешь, наверное, они сейчас думают, что хуже уже не будет. А ведь это всего лишь начало... – произнес Саня и пошел в сторону нового зала.

Следующий демон воспроизведет все их эротические фантазии, но по-особенному...

6

Мы спустились на уровень ниже, идя по спирали. Стано-

вилось все жарче и жарче, хоть я в Аду уже прилично, но к такому привыкнуть невозможно.

– Сейчас будет Мамона, демон, карающий за похоть и соблазнение, – подняв глаза, произнес Саня, снова смотря в пустоту.

Тяжело ему, наверное, думать, что за ним иногда кто-то наблюдает. Я не знаю, что с ним, возможно, он был болен при жизни.

– Отвратительный демон, – добавил я к словам Сани.

– Почему же? С виду очень даже ничего, – засмеялся Саня.

Даже в Аду он смеялся. Интересно, каким он был на Земле? И почему он в Аду за уныние? Саня не рассказывает о своем прошлом, значит, ему эта тема не нравится или он уже забыл все, что с ним было, хоть он и попал в Ад несколько позже меня. Но, может, только я такой идиот, который держит в себе боль насильно, но у меня словно нет другого выхода, любой на моем месте поступал бы так же. Или нет? Но это не важно, это моя голова...

Сундук занесли в очередное помещение, оно было бесконечным, если другие из-за тьмы будто бы имели границы, на самом деле это не так, то здесь было видно, что комната не имеет конца. Внутри находился деревянный дом, который стоял в этом бесконечном зале.

Люди вылезли из сундука без единой царапины.

– Повезло, я после такого двое суток восстанавливал-

ся... – прокомментировал Саня.

Я посмотрел на него, тот улыбнулся.

Люди были полностью голые. Если в предыдущих комнатах на них были тканевые накидки, то сейчас они были в чем мать родила. Девушка сразу прикрыла грудь руками, мужчины же даже не смотрели на нее...

Дверь в деревянном домике, который стоял посреди зала, открылась. И на пороге возникла фигура Мамоны. Демон имел очертание потрясающей красоты девушки с модельной фигурой. Но кожа была фиолетовая с чешуей, хотя это не мешало ей быть очень красивой, не просто красивой, а невероятно, словно это не демон, а божество. Полностью голая демонесса подошла к людям.

– Столько боли вы перенесли, не хотите ли развлечься в моем доме, господа и дамы? – Подойдя к одному из мужчин, она провела по его груди ногтем, а потом посмотрела на его инструмент, который тут же активировался. Она хихикнула и прошла дальше.

– Пожалуй, воздержимся, – ответил на предложение один из мужчин.

– А что такое? На Земле вы любили этим заниматься. – Мамона подошла к девушке и взяла ее за руку. – Для тебя у меня есть лучший мальчик Ада. – Демонесса хихикнула.

Мамона хлопнула в ладоши, и разум людей затуманился. Они моментально перешли в стадию возбуждения, причем бешеного. Они даже не могли контролировать поток слюней,

который ручьем вытекал из их ртов, что уж говорить о других соках организма.

– Вот другое дело, добро пожаловать в мой дом. – Демонесса пошла вперед, виляя своим потрясающим задом. Кучка людей последовала за ней.

Мамона проводила каждого человека в отдельные комнаты. К каждому мужчине запустили по три прекрасные молодые девушки с подтянутыми телами. Девушки тут же набросились на грешников. К девушке же зашел атлетичный молодой человек с невероятно красивым лицом, между ног которого болтались приличных размеров причиндалы. Мужчины тут же набросились на девушек, постоянно меняя партнеров и позы. Девушка же оседлала своего мальчика и наслаждалась процессом.

– Слышал про этот ее трюк, не хотел бы пройти через то, что будет дальше, – прошептал Саня.

– Согласен, лучше уж сожрать себя живьем...

– Это что, шутка от тебя? – Саня в недоумении посмотрел на меня.

– Я серьезно.

Раздался крик одного из мужчин, он не мог вынуть свой детородный орган из девушки, другие две девушки медленно приблизились к нему на кровати.

– Что такое, малыш, вынимай, нам надо продолжать, – глядя его тело, нежно произнесли девушки. – Не будь эгоистом, ты нужен нам всем.

– Я не могу вынуть, что-то режет мне член внутри нее. – Он внимательно посмотрел на промежность девушки. – Это что зубы?

Все мужчины в других комнатах попали в такую же ситуацию, но у девушки пока все было хорошо с ее принцем.

Мужчины в панике не понимали, что им предпринять. Что бы они ни делали, освободиться от этого захвата они не могли. Но девушкам вокруг них нужно было только одно.

– Вынимай, я следующая, – все резче глядя тело, говорили девушки вокруг. – Что ты уделяешь время только ей? – Их когти медленно вонзались в его плоть.

Девушки в каждой комнате резким движением потянули мужчин на себя, и у каждого из них оторвало их прибор, во всех комнатах это произошло в одно и то же мгновение. Крики воцарились в помещении, девушки жадно сожрали орган и набросились на мужчин, страстно кусая и отрывая куски плоти от них. Некоторые девушки пытались скакать на месте гибели мужских приборов, другие садились им на лица, на которых уже не было носов ушей – их откусили в порыве страсти. Зубастые промежности жрали лица бедняг. Мужчины не могли сопротивляться и лишь лежали, уничтоженные их фантазиями.

Девушка с прекрасным юношей подходила к кульминации, но когда она закончила, мужчина не остановился. Она попыталась освободиться, но у нее ничего не выходило. Через мгновение она почувствовала нестерпимую боль между

ног. Она посмотрела на нижнюю часть своего тела и увидела море крови, мужчина вытащил свой орган, но вместо человеческого, там было нечто, покрытое лезвиями. Мужчина снова и снова входил в девушку, разрезая ее внутренние органы. Женский крик пронзал перепонки так, что даже бесята закрыли уши.

Все эти мучения продолжались несколько часов, для нас часов, для них это была вечность.

Когда от тел уже мало что осталось, Мамона открыла двери и приказала притащить их в особую комнату. Люди были с разорванными половыми органами, без частей тела, но, к сожалению для них, живыми.

– Что у вас такой грустный взгляд? Ведь вам нравилось вытворять подобное на Земле. Это ж так весело, – ехидно произнесла Мамона. – Или было мало? Понимаю, но у меня для вас есть еще один особенный сюрприз.

Как можно жить на Земле так, чтобы потом проходить все семь испытаний, причем этих семи демонов они будут проходить каждый день, каждый... Для чего люди творили бесконечное зло другим? Они действительно думали, что мир настолько прост, что после смерти им не воздастся?

Мамона вприпрыжку открывает дверь в общую комнату, и из нее выходят все те, кто недавно терзал этих людей. Все эти прекрасные молодые особы в крови разрывают на себе кожу, а под ней оказываются отвратительные демоны со сгнившими телами. Они облизываются и смотрят на растерзанных

людей.

– А ведь по сути вы все такие же, под симпатичной обложкой вы всего лишь перегнившие сгустки зла. Знаете что, а давайте теперь продолжим с ними настоящими? Ведь вы слишком много времени скрывали свое истинное лицо, не желаю своим демонам того же, – радостно сказала Мамона и подошла к одному из демонов, проведя по его губам пальцем. – Что молчите? Ах да, страсть вас лишила способности говорить, – смеясь, сказала Мамона и посмотрела на девушку, у которой ото рта осталась лишь огромная дыра.

Мамона провела пальцем по животу девушки, и он начал расти на глазах. Живот все надувался и надувался, пока в нем что-то не зашевелилось.

– Сколько в них дырок. Блядь, не хочу смотреть на то, что вылупится из нее, – сказал Саня и, не выдержав, вонзил свои пальцы себе в глазные яблоки и вырвал их.

Многие пытаются выколоть глаза, когда у них сдают нервы в некоторых моментах, но во время просмотра человек тут же восстанавливался. Вот и Саня тут сразу же обрел новые глаза. Мы должны смотреть...

– Ты будто бы в первый раз смотришь. Знаешь же, что бесполезно, в любом случае придется смотреть, – сказал я ему.

– А вдруг...

Живот девушки начал разрываться, изнутри кто-то хотел вырваться наружу. Спустя мгновение ее плоть разорва-

ло, кишки и другие внутренние органы выплеснулись, словно в ее чреве была бомба. Из того, что осталось от девушки, лезли десятки маленьких бесов, которые напали на остатки своей матери, а потом и на тех, кто стоял рядом. Демоны, которые сняли обличие людей, набросились на жертв вместе с бесятами и пускали их по кругу до тех пор, пока их тела не стали похожи на непонятную биомассу из соплей, крови и выделений демонов.

– Сто бесят мне в днище, затрахали в кашу. – Саня посмотрел вокруг на уставившихся на него бесят, которые отвлеклись от шоу. – Так, блядь, это не призыв к действию, мини-уродцы. – Он снова посмотрел на то, что осталось от тех людей. – Представь себе: восстанавливать тело в камере в куче демонических жидкостей и гнили. Даже маркиз де Сад не выдержал бы такого.

Это далеко не самое страшное. На этом уровне будут все возможные «удовольствия», иногда такие, до которых не смог бы и додуматься человек с ярчайшей фантазией. Однажды я видел, как верхнюю часть человека, а именно все до пояса, превратили в щупальце и заставили самого себя иметь в зад, а затем вытащить через это разорванное отверстие все свои кишки...

Пока бесята собирали остатки тел, мы двинулись дальше вглубь Ада. Этот ярус я знал как облупленный, ведь мы идем к Асмодею, карателю за злость и гнев.

– Идем к твоему мучителю, Говард, есть предположение, что он им подготовил? – поинтересовался Саня.

– Невозможно предсказать, Асмодей – это психопат среди демонов. Мне он вчера сказал, что сегодня лично у меня будет особенный день, а что он приготовил для них...

Асмодей был любимцем бесят, да и демонов тоже, он был местной рок-звездой. Все любили Асмодее, сам же он обо-жал то, чем занимается, возможно, это и делало его лучшим. Он не стремился занимать ступень выше в иерархии Ада, ему было хорошо здесь.

Демон вошел в зал, где его уже ждали пять жертв, посреди стоял простой стул, на котором лежала скрипка, сделанная из костей. Он медленным уверенным шагом направился в сторону жертв. Адский шериф...

– Как вам прошлые аттракционы? Понравились? – подой-дя поближе, сказал Асмодей и посмотрел на испуганных лю-дей.

– Сэр...

Мужчина хотел что-то сказать, но его перебил демон.

– Сэр? – усмехнулся демон. – Ты на Земле хоть раз это слово произнес? Я ждал ответы на свои вопросы? Вы на-столько жалкие, что не имеете права вообще ко мне обра-щаться. – Асмодей схватил этого мужчину за голову и немно-

го сжал ее, потом приподнял на несколько сантиметров над землей. – Ты меня понял? – Голос был настолько низкий и спокойный, что уже можно было бы понять, что грешников ждет нечто, и все, что было до этого, всего лишь разогрев для настоящей звезды.

– Да-а-а, – корчась от боли, ответил мужчина.

– Сегодня я приготовил для вас нечто особенное, хотя каждый день со мной, будет особенным для вас, – рассмеялся демон, по-прежнему держа в руке мужчину.

Асмодей посмотрел, словно сквозь зал, и уткнул свой взор прямо в меня. Мурашки невольно пробежали по телу... Раздался голос в голове: «Ведь особенные, не правда ли, Говард?» Демон расхохотался.

– Что с тобой, Говард? – спросил Саня, рассматривая меня. – Ты выглядишь нехорошо.

– Мы в Аду, хорошо тут никто не выглядит.

Асмодей указал рукой на потолок зала, там в кромешной тьме блестели металлические проволоки, натянутые по всей площади, как паутина. Демон, в руке которого по-прежнему болтался человек, с размаху кинул его на эти проволоки. Мужчина запутался в них и закричал. Проволоки мало того, что сами были безумно острые, так еще и покрыты острейшими крючками, которые тут же вошли под кожу. Чем сильнее человек барахтался в них, тем больше крючков в него входило. Из этой паутины смерти не выбраться. Только человек перестал шевелиться, чтобы не получить новые про-

колы и порезы, как Асмодей кинул в паутину девушку. Она начала ворочаться от боли, тем самым расшатывая и предыдущего человека.

Демон явно был в восторге, как и бесята, что визжали от радости, каждый раз, как он бросал в паутину человека.

– Жуть какая... – тихо сказал Саня и похлопал меня по плечу.

Когда люди, терпя боль, перестали шататься, поймав равновесие, и их крики стихли, в тишине можно было слышать скрежет их зубов, который сопровождался звуками капавшей крови, что разбивалась об пол.

– А теперь самое интересное. – Асмодей щелкнул пальцами, и по паутине поползли небольшие пауки, как обычные домашние на Земле, их было настолько много, что паутина задрожала под их весом, провоцируя болезненные выкрики людей. – Мои любимчики.

Асмодей взял скрипку и сел на стул. Он начал играть медленную грустную мелодию.

– Их ждет настоящая боль, такого они сегодня еще не испытывали, – пробормотал я.

Саня испуганно посмотрел на меня.

Я знал, что пауки были не простые, а металлические, и когда они приблизились к людям, из всей их поверхности проросли шипы миллиметров по пять. Существа стали ползать по всем телам, но не причиняли вред, пока Асмодей не приказал им. Пауки начали заползать в порезы на коже, в

ноздри, глаза, уши, раздирая плоть. Звук скрипки ускорился, чем больше пауков входило под кожу, тем сильнее ускорялась скрипка. Люди в истерике начали снова болтаться на паутине, впиваясь все в новые и новые крюки, но это для них сейчас вторично, ибо под кожей, по всему телу, ползают шипастые пауки, рассекающие все ткани, как бритва. Они выныривали из-под кожи, снова входили и так по кругу. Душераздирающие крики сменялись хриплыми. Скрипка уже не выдерживала от скорости руки Асмодея.

– На это даже больно смотреть... – сказал Саня, сдерживая рвоту.

Струны на скрипке лопнули, и наступила тишина, которая нарушалась лишь стонами. Асмодей расслабил паутину, и на пол упали пять тел, которые взорвались после соприкосновения с поверхностью. От них осталась только кожа, внутри же была лишь жидкая масса, пауки перемесили все, что было внутри. Люди взорвались, как воздушные шарики, наполненные водой. Демон подошел и опустил указательный палец в жидкость, и попробовал это на вкус, улыбнулся и медленно ушел к выходу.

– Да, к такому трудно привыкнуть... – произнес Саня и пошел за толпой. – Это было безумно, но черт возьми, это искусство. Эти металлические паучки разрывали тело под звуки скрипки, мелодия которой будто бы повторяла их страдания, скорость их боли. Гребанный гений.

– Страшно, когда кто-то живет своим делом и любит его,

такие существа всегда добиваются своего.

Страшно было потому, что Асмодей рано или поздно все-таки сможет лишить меня памяти и чувств, и я это понимал. Моя душа будет очищена...

8

Многие люди считают, что Сатана и Люцифер – это одно и то же существо, но они глубоко заблуждаются, путаются в понятиях. Я и сам так думал. Хотя слово «сатана» и означает противник Бога, и им можно называть любого демона в Аду, в принципе и практически любого человека на Земле, но это существо имеет имя Сатана, возможно, от его имени и возник сам термин. Сатана – это первый падший ангел, основатель Ада как такового. Первый, кто пошел против Бога. А Люцифер – падший архангел, который впоследствии стал править Адом, как самая могущественная сущность. Сатана же является третьим по силе существом в нынешней иерархии Ада и отвечает за обман и алчность.

– Ангелы правят и наверху, и внизу, странно это, ведь они должны быть самыми лучшими и чистыми существами, они приближены к Богу. Разве нет? Разве ангел не должен быть тем, кого не может сломать мрак, не должен ли он быть примером для тех, кто на грани? Зачем нам восхвалять ангелов, если они тоже ломаются? – Саня посмотрел на меня.

– Сломаться может любой, и неважно, насколько он си-

лен духом, одна мелочь может превратить твоё сознание в настоящий Ад. Мне кажется, когда лучших из лучших окутывает мрак и они сдаются ему, дают ему войти в себя не в силах больше сопротивляться, этот мрак развивается внутри намного быстрее, чем у тех, кто добровольно выбрал его.

К сожалению, это относится и ко мне, ведь мой Ад в сознании, и порой мне кажется, что все, что происходит со мной сейчас, – это проекция того, что происходит со мной внутри, мрак, который охватил меня и уже не отпустит. Он развивается и захватывает все больше и больше пространства, а тем местам, где еще не погас свет, осталось совсем не долго. А я лишь этого и хочу, чтобы он меня не отпустил, чтобы не позволил мне забыть мои чувства, даже если я уничтожу свою душу изнутри, не подвергнувшись очистке от грехов и боли. Я не хочу отпускать и боюсь лишь того, что меня заставят это сделать против моей воли.

Восстановившихся людей забросили в зал, где на троне из живых змей сидел Сатана. Сатана выглядел как обгоревший человек. В черной корке на лице еле-еле можно было рассмотреть глаза ярко-голубого цвета, которые сильно отличались от всего остального, будто бы это единственное живое в этом демоне. Во время падения с небес он сжег свое тело, он бы мог его запросто восстановить, но, видимо, хотел напоминать себе, как он сюда попал. Я понимаю его. В трещинах на корке кожи до сих пор пылал огонь, огонь его гнева.

– Я милосерден, и сегодня могу даровать вам свободу, –

еле слышно сказал Сатана, вставая с трона. Его голос словно через силу пробивался наружу, еле живой, будто бы голосовые связки были уничтожены вместе с телом, его движения были дерганные и отрывистые. Он махнул рукой, и в центре зала появился портал, из которого повеяло свежим земным воздухом.

Люди тут же рванули к нему, но Сатана хлопнул в ладони, и портал испарился.

– Вы же не думали, что это будет так просто? За все приходится платить. – Сатана подошел к кучке трясущихся людей. – Вам всего лишь нужно принести жертву. Не просто жертву, а того, кого вы любили. У каждого есть такой человек, даже у таких животных, как вы. Эта жертва погибнет на Земле и займет ваше место, вы же обретете свободу.

– Сатана терзает душу изнутри, это, может, даже страшнее физической боли, – прошептал я.

– Помнишь, как он одну душу заставлял проживать один и тот же день снова и снова, все бы ничего, но это был день смерти его ребенка.

Передо мной возникли мертвые глаза моего сына, и я подумал, что Сатана был бы лучшим вариантом для моих пыток. Так бы я видел сына каждый день не только в своем сознании, так я питал бы свой гнев постоянно. Боже, я реально так подумал? Как я могу этого желать? Это словно терзать не свое сознание, а сознание сына. Словно пытаться его, а не себя. Нужно отпустить... Отпустить... но я не могу, я не хочу...

– Согласны? – обращаясь к людям, спросил Сатана.

Все разом согласились, согласились принести в жертву ничего не подозревающего человека. Как вообще возможно прийти к такому, каким нужно быть чудовищем? Но они люди, это хуже. Практически каждый человек на Земле пожертвовал бы другим, ради своего спасения или счастливой жизни. В Аду должны быть почти все, но систему, по которой сюда попадают души, систему отбора, видимо, может понять только создатель.

Сатана подошел к каждому и дал им ножи в руки. Потом взмахнул рукой, и перед каждым человеком возникла дверь.

– Ну что ж, приступим. – Сатана встал поближе, чтобы наблюдать.

Двери разом отварились, но в них находились точные копии этих людей, грешники смотрели будто бы в зеркало. Меня это сначала удивило, но потом я все-таки понял замысел Сатаны. Он намекает на то, что их любимые люди, это они сами. Сатана увидел их души насквозь.

– Ради мотивации. – Сатана разместил рядом с собой портал, через него можно было рассмотреть зеленые луга.

Каждый человек медленно подошел к своей копии, они были такие натуральные, это их явно пугало. Девушка рассматривала свою копию, будто влюбилась с первого взгляда, но потом замахнулась и ударила клона ножом в грудь, но в ту же секунду сама упала. Грешница встала, и из ее груди потекла кровь, как и у копии. Ранив ее, она ранила себя.

Мужчины переглянулись.

– Что такое, вы должны убить свои копии, тогда вас ждет свобода. Уверяю вас, вы точно останетесь в живых, просто ощутите их боль. – Сатана внимательно наблюдал за происходящим.

Слабость, шок, боль, они думали, что это все пройдет, ведь так им обещал Сатана. Быстрыми движениями люди начали колоть свои копии, до тех пор, пока они не осознали, что если продолжат, то убьют себя. Но от потери крови и ранений, они уже не могли стоять, просто упали на пол.

– Ползите к выходу, давайте же, вот он. – Сатана ходил между полутрусами. – Я сказал – ползите! – Сатана повысил голос, и тот громом разнесся по помещению. Люди поползли, подчиняясь воле демона. Когда голос изменился с мертвого на мощный ангельский, бесята испугались, словно услышали свою погибель, но потом пришли в себя.

– Это реально выход? – поинтересовался Саня.

– Не знаю.

Грешники ползли, черт возьми, как они ползут, у некоторых уже закрыты глаза. Но вот он портал, и они вползли в него.

Как только тела выползли из Ада и почувствовали ветер на своей коже, их пронзила новая боль. Их кожа цеплялась за мелкие, острые крючки, похожие на рыболовные, эти крючки были вместо травы. Их тела настолько увязли в них, что уже не могли двигаться. Грешники кричали, рыдали от боли,

именно в такие моменты в Аду ты и переосмысляешь свою жизнь. Их крик боли – это крик признания своей вины, крик раскаяния, даже если сейчас их раскаяние, возможно, неискреннее, но через несколько десятков лет оно будет таким. Из оставшихся сил они попытались сделать последний рывок, но от слабости не смогли сорвать свое тело с этой адской травы.

– Что же вы не уходите? – спросил Сатана, наклонив голову набок. – Неужели вам так нравится у нас в гостях? Потрясающе...

В ту же секунду земля под ними потрескалась и из этих трещин вырвались тысячи когтистых рук, они схватили своих жертв, впиваясь когтями глубоко в плоть и утащили тела обратно в Ад.

И вот измученные жертвы снова лежали в центре зала Сатаны.

– С возвращением, как там на свободе? – Сатана залился смехом, который эхом раздался по залу.

Израненные тела валялись в центре, и из их глаз полились кровавые слезы. Сатана убил в них надежду, навсегда, если она в них еще жила. Саня все же был не прав, его надежду убить нельзя, потому что он искренне верил в то, что за ним придут, а они знают наверняка, что за ними точно никто не придет.

Сатана все никак не мог прекратить смеяться, наоборот, он словно в истерике начал смеяться еще громче. Бесята за-

разились его смехом и подхватили эту смехотворную заразу. Люди же лежали, не имея сил подняться, уничтоженные морально и физически.

– Фух, неплохо сегодня повеселились, завтра в штатном режиме увидимся снова, – произнес Сатана, поклонился зрителям и вышел.

– Мы тоже утомились смотреть на эти пытки, – сказал Саня, поглядывая в пустоту. – Но это никак не промотать, мы не можем перелистнуть страницы, и тебе не советуем, ибо пропустишь часть замысла создателя этой бумажной хреновины. Ты хоть тут не находишься и не ощущаешь это, так что не ной. Даже твоя извращенная фантазия не поможет тебе понять весь ужас происходящего.

– Что там читатель спрашивает?

– Не понимает суть задумки.

– Если будет читать дальше, обязательно поймет. Наша жизнь так устроена, мы приходим к пониманию не сразу.

Все же мне кажется, что он общается с самим собой, все мы общаемся со своим голосом разума, Саня это делает вслух. Думаю, есть смысл поддерживать его с разговором с «читателем», верится в это, конечно, с трудом, но ему это, видимо, нужно.

Ну что ж, впереди нас ждали два сильнейших существа Ада, которые даже сражались между собой за звание повелителя царства грешников.

– Говард, вот душа из Ада снова попадает на Землю полностью очищенная, она потеряла даже память и чувства. Но разве это правильно, давать такой душе снова право на существование? По крайней мере, из Ада. Нужно ли вечное мучение, как думаешь? Чтобы душа никогда не вернулась к жизни. И зачем Ад скрывать от тех, кто жив, разве не лучше, чтобы Ад служил напоминанием каждому, что будет, если перейти черту? Почему Ад и Рай держатся в относительном секрете? Не задумывался над этим?

– Мне было бы интересно узнать о структуре мироздания. Если душа теряет все, она может считаться той, кем была? Не знаю, если я переродился и не помню, кем был, и вся моя энергия сознания очищена, это делает меня пустым листом, важно ли то, что произошло раньше? Думаю, нет. Вечное мучение? Этот вопрос тоже спорный, за некоторые грехи я бы их назначил, но тут опять все в мироздание упирается, возможно, банально душа очищается за определенный период времени и этого не остановить, а смысла в пытках пустой души уже нет. А насчет показа Ада всем смертным. Думаю, это лишит человека мифической свободы воли и этим страхом воспользуются другие люди, которым он даст еще один инструмент контроля над стадом.

– Но разве это плохо? Все живут по правилам, чтобы по-

пасть в Рай. Идеальное общество, хоть скорее всего и тоталитарное.

– Хорошо, если власть тоже будет бояться Ада. А если нет? Если человек на верхушке смирится с тем, что после смерти его ждут пытки, но не вечные, зато при жизни его ждет Рай? Что тогда?

Саня посмотрел на меня задумчиво и отвернулся.

Вельзевул стоял посреди следующего помещения. Если брать исключительно внешность, то у него она самая пугающая и отвратительная из всех существ Ада. Голова с гигантскими глазами мухи, вместо рта паучьи хелицеры, непонятные то ли рога, то ли усы на макушке. Мощное тело, вместо рук передние лапы богомола, они были настолько острые, казалось, что порезаться можно, лишь посмотрев на них. Ноги были демонические с чем-то похожим на броню по всей поверхности. За спиной демона находились крылья, опять же, как у мухи. Само существо было под четыре метра ростом. Вонь, которая шла от него, была сопоставима с запахом разложившегося мяса.

– Кто тут у нас возомнил себя Богом? – подлетев к людям, произнес Вельзевул.

Вельзевул был демоном, карающим тех, кто считал себя Богом, забавно то, что это не самый страшный грех на Земле, хоть он и чем-то схож с великим грехом, за который карает Люцифер.

Демон летал между жертвами, в паре сантиметров над по-

лом.

– Какие же вы боги, вы всего лишь жалкие психопаты, – рассмеялся демон, рассматривая грешников своими огромными глазами. – Хотели быть богами? Так я вам дам этот шанс.

Демон быстрыми движениями разрубил всех присутствующих на крупные куски, словно какой-то мясник, а потом так же быстро собрал из них одно-единственное существо. Нелепое существо с десятью руками и с таким же количеством ног начало ходить по помещению, словно это какой-то гротескный паук. Это существо имело пять голов, такой вот паукоцербер или паукогибра...

– Вот теперь вы похожи на какое-то приближенное существо к богам. Нужно дать вам людей, которые будут вам поклоняться, не так ли? – паря под потолком над всем этим безумством, сказал Вельзевул.

– Так и карают полковников Курцев...

– Кого? Тут такую хуемразь из них собрали, даже доктор Хейтер нервно курит в сторонке, – сказал, Саня, обращаясь ко мне. Увидев, что я не понимаю, о ком он, Саня возмутился. – Это ж классика... Читатель, ты тоже не знаешь кто это?

Даже страшно предположить, что в его понимании является классикой.

Демон разрезал воздух со свистом, и вместо помещения зал стал древней деревушкой. Словно Вельзевул разрезал реальность. Деревянные домики с соломенными крышами, по-

всюду грязь, смешанная с навозом, лужи. Существо, собранное из людей, стояло ровно в центре этой деревушки, а люди носили к нему еду, младенцев и прочее. Вокруг существа лежали прекрасные девушки и не менее красивые юноши.

– Что ж, вы боги, но что вы даете людям взамен? – по-прежнему летая над происходящим, прохрипел демон.

Вельзевул промотал время вперед, озлобленные люди, все еще носили еду, но уже с агрессией кидая ее возле существа, злобный взгляд говорил лишь о том, что правлению Бога приходит конец. Но существо хватало ему неугодных и пожирало целиком. Эта тварь пока еще держала людей в узде лишь из-за страха.

– В ход пошел страх, но страх не правит вечно, – сказал демон.

– Вельзевул во время войны Ада и Рая, задолго до появления в людях сознания, был одним из множества богов Земли. Видимо, свой опыт рассказывает, – не отводя взгляд от происходящего, прокомментировал Саня.

– Откуда ты это знаешь? – поинтересовался я.

– Да был тут один человечек, много историй рассказывал, может, брехал, не знаю.

Вельзевул ускорил время, и вот теперь богоподобное существо в панике бежало от толпы людей, что кидали вдогонку вилы и прочие острые предметы.

– Быстро из бога вы стали дьяволом. – Вельзевул подлетел к существу. – И сколько вы будете бежать от судьбы? Вы же

боги и бегите от горстки блох у вас под ногами.

Существо все бежало, но, когда его настигла усталость, множество ног и рук начали заплетаться. Бог рухнул. Люди настигли его, начали колоть вилами, рубить конечности топорами, выкалывать глаза на всех пяти головах. Существо пыталось встать и идти, но не могло пройти через толпу. Пытаясь медленно ползти, существо теряло куски себя, пока от него не остались лишь ошметки плоти вокруг. Люди набросились на них и начали жрать сырую плоть, валяясь в крови существа. Но потом люди начали плевать, не мясом и его остатками, а червями и черной зловонной жижей. Они облевали все вокруг себя, создав своеобразное черное болото, в котором копошилось бесчисленное количество личинок и червей. Личинки превратились в куколок. В этот момент люди упали в болото в диких судорогах, на них начали появляться язвы. Они просто гнили изнутри. Из язв появились личинки, которые быстро начали сжирать тела. Тем временем из куколок вылупились мухи, целый рой мух, через который разглядеть что-либо было сложно. Но когда рой пропал, на земле этой деревушки была чистота, ни болота из рвоты и гнили, ни тел, лишь белые вычищенные кости.

– Для людей только мертвый Бог имеет значение, но все же вы далеки от него. Причем всех своих богов люди убили сами, какая ирония, и все равно есть индивиды на Земле с недалеким умом, которые стремятся стать Богом. Что бы вы им ни дали, что бы ни сделали, всех богов ждет один ис-

ход. Будь вы добрым или ужасным, всех ждет лишь смерть. Настоящие боги это знают и принимают свою смерть в этот час, но вы пытались от нее убежать. Именно поэтому вы жалкие психопаты... – разговаривая с костями существа, сказал Вельзевул.

Демон разрезал воздух, и перед нами снова появился зал. На полу валялись белоснежные кости. Вельзевул спустился на пол, посмотрел на них и молча вышел из зала.

Иногда кажется, что пытки проходят слишком быстро. Но это для нас. Время в пыточной идет по-другому. Каждая пытка тянется часами. Даже когда ты смотришь ускоренную версию, тебе больно, а представь ты, что это тянется часами, а потом повторяется снова и снова изо дня в день, тебе становится не по себе.

Пришло время спускаться в жерло Ада. Низший ярус, ярус владыки преисподней.

10

Люцифер, как сильнейшее существо из всех жителей Ада, отвечает за самый страшный грех человечества – гордыню. Именно из-за гордыни совершается большинство самых ужасных бесчинств на Земле. Сколько людей погибло из-за чьих то горделивых амбиций. Именно из-за гордыни сам Люцифер и пал с небес. Некогда сильнейший архангел и лучший из братьев пал, ведь как я и говорил, если падет лучший,

он будет величайшим злом.

– Меня пугает это место... – промямлил Саня.

Стены яруса были не из камня, как на других этажах, они были живые. Руки тянулись из них, головы без глаз и языков издавали протяжные стоны. Сложно было распознать в этих стенах людей, но все же они были сделаны из них. Деформированные, измученные тела, что бесконечно жили и гнили в этих стенах. Запах разложения был так силен, что ты ощущал его прикосновение физически, если ты открыл рот и вдохнул его, то ощущаешь этот запах на вкус. Нам хоть дают время восстановиться, тут же такого нет. Люцифер, выдергивая из стены человека, восстанавливает его уже перед самой пыткой, пытается и помещает его обратно уже истерзанным, частично вернув ему очертания тела.

Мы в камерах перерождения испытываем боль, когда тело еще не обросло кожей, они испытывают боль всегда. Многие демоны, вроде Асмодея, считают, что таким образом смертные привыкают к боли, но, когда ты слышишь их стоны из этих ужасных стен, ты не можешь в это поверить.

– Меня тоже пугает, – ответил я.

Сгнившие тела раздвинулись, чтобы показать нам зал. Люцифер уже находился внутри, изучал пятерых людей. Владыка Ада выглядел не как все демоны, для преисподней он был слишком прекрасен. Босиком в одних штанах, с голым торсом он стоял в центре зала, гордо и непринужденно. Единственное, что бросалось в глаза на фоне его красоты,

так это культяпки на спине, где должны были быть крылья.

— Как никто другой я знаю, что такое гордыня, — произнес Люцифер прекрасным низким голосом. — Гордыня — это сладкая субстанция, которая наполняет нас изнутри. Именно благодаря гордыне множество людей добивается невероятных успехов, уничтожая при этом другие жизни. Для таких людей важны лишь они сами, остальные — лишь продукт для питания их эго, — обходя вокруг кучки людей, говорил Люцифер. — Я понял это в Аду, и вы поймете.

Люди стояли с изумленными глазами, перед ними было существо Рая. Они наверняка думают, что такое существо не может и мыслить о том, чтобы причинить им боль.

Люцифер щелкнул пальцами, и все пять человек в то же мгновение воспламенились. Они кричали от боли, с них слезала кожа, лопались пузыри на плоти, но они продолжали смотреть на ангела, пока у них не лопнули глаза. Люцифер поднял их в воздух с помощью мысли.

— Я буду отрывать от вас по куску, каждый кусок вашей плоти — это загубленная вами душа, — сказал Люцифер, — если вашей плоти не хватит, я соберу вас снова, и мы будем повторять это, пока все души не будут отомщены.

Он начал с пальцев, потом рвал конечности, тела и, когда дошел до голов, уже было минимум по двести кусков плоти от каждого. Страшно представить, что эти люди творили такого, чтобы искалечить столько жизней ради одной — своей.

Люцифер делал все с особой злостью, в его глазах была

лишь ненависть, ненависть к человечеству, но я вижу и жалость. Я вижу в его глазах то, что будет в моих, если я доберусь до брата...

Раны, что образовывались, тут же подгорали, в воздухе витал запах жареной плоти. Бесятам он явно нравился, у них текли слюни ручьем.

– Слушай, ты знал, что Люцифер сам отрубил себе крылья? – спросил у меня Саня.

– Нет. Зачем?

– Говорят, что с помощью крыльев, он мог бы вернуться в Рай хоть сейчас. Но он так обижен на своих братьев и отца, что принципиально туда не возвращается.

Интересно, что такого сделали его братья и отец, чтобы настолько их ненавидеть. Простым смертным явно этого не узнать, но по его глазам можно понять. Глаза того, кого предали, ни с чем не перепутать. В моменте мне стало интересно узнать судьбу величайшего света, который стал величайшей тьмой.

Люцифер собирал тела уже в четвертый раз и снова рвал их на куски, у каждого из них счет уже ушел за тысячу искалеченных душ. Когда архангел закончил, он снова их собрал, те в свою очередь не переставали бесконечно орать в пламени.

– Пора вам отдохнуть, не так ли? – поинтересовался Люцифер.

Он вернул людям глаза ради того, чтобы они увидели свое

место отдыха. Перед ними вертикально стояли пять гробов с отверстиями.

– Полезайте, там огонь погаснет, и вы сможете залечить свои раны. – Люцифер щелкнул пальцами, и гробы сразу же открылись.

Пять обгоревших и все еще пылающих тел вошли в гробы, которые в то же мгновение захлопнулись. Пламя внутри не погасло, оно стало ярче и прорывалось наружу через отверстия по всей поверхности гробов. Люцифер представил в воздухе стеклянные иглы, и со всего разгона начал вонзать их в отверстия. Когда иглы выходили из гробов на очередной круг, на них блестели капли крови и куски внутренних органов. Крики не прекращались ни на секунду. А Люцифер все втыкал иглы в гробы, словно опять отсчитывая все души, что они загубили. В конце неимоверно долгой пытки Люцифер открыл гробы, оттуда на пол упали жареные отбивные, по-другому не сказать, но они шевелились. Он поднял их в воздух и бросил в зрителей, это было так неожиданно, что даже бесята попятились назад. Люцифер снова поднял их и вживил их в стену, эти души стали частью дьявольского искусства, наполняя пространство свежими стонами и криками, словно недостающие ноты в симфонии страдания.

Люцифер пошел к выходу.

– Все, перерыв окончен, всем вернуться на свои ярусы в ожидании пыток. – Люцифер взмахнул рукой, стена начала срастаться, мельком я заметил странную комнату из черного

камня (скорее всего, обсидиана), в которую и ушел дьявол, видимо, место отдыха владыки Ада...

— Ну что ж, Говард, удачи, увидимся завтра, — похлопав меня по спине, трагично произнес Саня.

— Увидимся.

Привет, Асмодей, я не скучал...

11

Я пришел на свой этаж Ада добровольно, то есть воздействие воли демонов мне не потребовалось. Раньше я не мог бы и подумать, что смогу сам идти на это. Не значит ли это, что в глубине души я хочу очиститься? Конечно значит. Это и рвет сознание, желание обрести покой, а с другой стороны желание выплеснуть ярость, которую не видывал мой личный мирок, все во мне порождает хаос...

Войдя в зал, я обомлел. Перед моим взором был мой дом. Дом, где царил уют. На кухне стоял сын.

— Макс? — крикнул я.

— Ты чего, отец?

Я хотел подойти, но передо мной возникла стеклянная стена. Черт бы побрал мои желания во время пыток Сатаны. Асмодей будто бы слышал их, и теперь...

Позади сына появились две фигуры — мой брат и его товарищ по службе. Деймос достает нож и передает его этой твари. Я пытаюсь разбить стекло, и у меня выходит, я рва-

нул к убийцам, но ощутил колющую боль в ногах и руках. Опустив взгляд на свои ладони, а потом на ступни, я увидел, что они пробиты крюками насквозь, к ним подвязаны цепи, которые не давали мне идти вперед. Я хотел закричать что есть мочи, но голоса не было, я не слышал себя. Выдернув из себя крюки, я побежал к сыну. Но предо мной возникла стена из колючей проволоки. Недолго думая, я начал прорываться сквозь нее. Кожа разрывалась на куски. Я силой пытаюсь протиснуться, но у меня не выходит, я запутываюсь в проволоке, не в состоянии пошевелиться. Я смотрю на спину убийцы, который уже присел к моему сыну, а потом он обернулся, и я увидел два желтых глаза и черную маску. Даже не видя, что за этой маской, я был уверен, что за ней улыбка. Асмодей вонзил нож в шею сына, и начал не спеша водить им из стороны в сторону, словно нож был тупой и нужно было приложить усилие, чтобы отпилить голову. Я кричал, хоть этого и не было слышно, я кричал всей своею душой. Асмодей взял голову моего сына и подошел ко мне, рядом с ним стоял мой брат, он смотрел на голову и улыбался.

– Папа, почему ты мне не помог? Папа, почему? Где ты был? – сказала голова на руках демона.

Я пытаюсь ему что-то сказать, но даже если бы у меня был голос, я бы не смог...

Асмодей положил голову у моих ног.

– Смирись с болью. Стань с ней одним целым. Оставим вас наедине, – сказал он, в его голосе были нотки победы.

Картинка в зале пропала, остался лишь я и голова моего сына, подсвеченная в абсолютной тьме. Лишь я и мой нескончаемый страх, моя боль, мое страдание, моя ошибка, моя злость, мой крест...

Я был готов избавиться от всех чувств, что рвали меня изнутри, я был готов к очищению, но что-то все равно сдерживало меня, что-то не давало мне отпустить. Это что-то — это мое глупое «я», которое держало меня за руку и кричало: «Борись с этим, ничего не кончено, мы успеем отомстить до того, прежде чем ты станешь таким же, как твой брат. Борись, ибо если ты сдашься, ты предашь сына, предашь себя». Я знал, что это ложь, но даже с этим знанием я хотел ей верить.

Смириться с этим чувством, с болью и с гневом, казалось бы, невозможно. Но боль, которую причиняет демон, словно пытается вытеснить ту, что копошится в моей голове, обе боли сливаются в единое и пытаются выбраться наружу, покинуть меня навсегда. Страдание и есть очищение? Но я из всех сил сопротивляюсь, цепляюсь за свою боль...

Глава 2. Незнакомец

1

1994 год

Моему младшему брату Деймосу исполнилось девять. С этого возраста он начал стремительно меняться, он становился агрессивным и замкнутым, кажется, что такого сочетания быть не может, но как раз агрессию на мир порождает замкнутость, не страх перед ним, не неизвестность, а гнев, который копится внутри. Гнев от того, что действительность никогда не совпадает с нашими грезами. Я пытался находить к нему подход, но все тщетно – непроницаемая стена. Он был умнее своих лет и не мог найти общих тем со сверстниками. Мир, что его окружает, не устраивал его, но Деймос тянулся в него. Он хотел быть частью мира, хоть был и разочарован в нем. Брат редко с кем чем-либо делился и варился в своем котле, копил злость внутри себя, которую периодически выплескивал на тех, кто оказался рядом. Лучше бы он выплескивал ее полностью, как все эти школьные хулиганы, которые начинали борьбу с миром и с собой раньше всех. Они не умнее других, нет, наоборот, они как животные, за счет какого-то внутреннего инстинкта выплескивали злость, отпускали ее, такой механизм защиты разума. Но когда ты

уже в раннем возрасте задумываешься о мире и о своем месте в нем, об обществе в целом, никакой инстинкт тебе уже не поможет, твое «я» проснулось и полностью взяло над тобой контроль. Деймос не освобождался от гнева, он возвел вокруг него стену и лишь периодически сбрасывал давление, чтобы эту стену не снесло, так он растил своего внутреннего демона.

Но бывали дни, когда брат сиял. Они были настолько редкими, что запоминались надолго.

– Говард, пошли в мастерскую, – прошептал Деймос, подойдя ко мне на нашем заднем дворе.

Отец занимался реставрацией деревянных изделий, но и сам любил делать различные штуковины, поэтому во дворе у нас стоял сарай, внутри которого была уютная мастерская. Там мы проводили много времени, наблюдая, как отец выстрагивает нам какую-нибудь фигурку.

– Что мы будем там делать? – поинтересовался я, пока мы шли в мастерскую.

– У меня классная идея: сделаем друг другу талисманы, – с улыбкой Деймос открыл дверь.

– Талисманы?

Сегодня у него явно было хорошее настроение, что не могло не радовать.

– Они будут приносить нам удачу, – радостно произнес Деймос, его глаза блестели.

– Главное, пальцы себе не отрезать, – сказал я с улыбкой

на лице и вошел внутрь.

Помещение было небольшое, но все инструменты у отца присутствовали, даже такие, которых не имелось в профессиональных мастерских, которыми он владел. На стенах висели страшные деревянные куклы, их вид меня пугал.

Я решил попробовать выстрогать волка, взял ножи для резьбы и приступил к работе. Деймос же решил сделать круглый медальон, создав внутри отверстие и поместив внутрь камушек на клей.

Работа кипела, мы общались об играх, ему как раз подарили новенькую игровую консоль Sega, о школе, о том, кем станем в будущем, о разных коллекциях карточек – в общем, стандартные темы детей того времени. В целом время прошло хорошо. Мы даже не ощутили, как наступил вечер. А я запомнил радостное выражение лица Деймоса, ведь потом я уже это лицо не видел.

Когда я закончил работу, то просверлил в теле волка дырочку и просунул туда веревку. Талисман был готов, конечно, это мало было похоже на волка, но как мог. Деймос также закончил изделие, но по его лицу было видно, что оно его не устраивает. Он стремился к идеалу во всем, это, возможно, тоже сказывалось на его замкнутости и злобе, ведь мир не идеален, он вообще творение безрукого и слепого архитектора. Но если у Деймоса не выходило задуманного, то все заканчивалось плохо.

– Получилось не то, что я хотел, – грубо сказал Деймос.

– У меня не лучше, – пытаюсь его успокоить, промямлил я. – Давай меняться талисманами, – я протянул ему волка.

– Даже этот недоволок лучше моего талисмана, – рывкнул он.

Меня это задело, мне ведь десять, я понимал, что моя поделка плохая, но смысл был же в другом – подарить друг другу частичку себя, запомнить этот день.

– Деймос, я сделал его для тебя, ты для меня. Неважно, что получилось...

– Это у тебя всегда все получается, даже этот недоволок выглядит по-особенному, у меня же вышло как всегда, – перебил меня Деймос и бросил на пол свой талисман и волка, что я сделал, и побежал в дом.

Я поднял оба изделия и положил в карман, день выдался действительно хорошим, жалко, что Деймос опять свел все к непонятно чему...

Дома он уже со мной не разговаривал, будто бы я ему враг, а не брат. Что я ему сделал, я понять не мог, но так он поступал часто, вызывая во мне чувство вины. И только сейчас, в Аду, я понял, что ему нужна была моя поддержка. Я никогда сам не звал его играть или еще что-нибудь, просто мне было хорошо одному, ему одному было ужасно, если бы тогда, я мог бы это понять, то мой брат не стал бы чудовищем. Но чудовище ли он?

Это первое относительно приятное воспоминание за долгие годы в этих камерах восстановления, и я не понимаю, почему именно сейчас я вспомнил об этом. Неужели мне осталось совсем немного до потери памяти и очищения. Это так сильно тяготит и одновременно облегчает меня, сложное чувство.

– Саня, Саня, отзовись, – раздался голос во тьме.

Кто это? Человек? Вне камеры? Секундой погодя меня озарило, я вспомнил рассказы Сани, что за ним придет отец. Неужели это он?

– Саня, ты тут? – из тьмы показался мужчина, на вид ему было лет пятьдесят, может, больше, но выглядел он неплохо. Высокий, красиво сложен, но седые длинные волосы и щетина выдавали возраст, все же ему было около шестидесяти. Он подошел к моей камере, посмотрел мне в глаза и пошел дальше.

– Стойте, Саня – это худощавый, высокий парень, лет двадцати? – спросил его я. – У него родинка над левой бровью. – Мужчина подозрительно на меня посмотрел. – Ну придурочный такой.

– Да, да. Это точно он. – Мужчина подошел ко мне. – Где он?

– Он знал, что вы можете ошибиться и прийти не на тот

уровень. Он просил оповестить вас, если это произойдет.

– «Горе я знаю – оно помогать меня учит несчастным», ох Вергилий, будешь моей совестью сегодня, – сказав это, мужчина достал странный ключ, который он вставил в замок, и, о чудо, дверь открылась.

Меня изнутри наполнила надежда. Неужели я смогу покинуть это место?

– Все поменяли в Аду, черти, – произнес мужчина. – Когда я тут был в последний раз, все выглядело по-другому, каждый раз все по-новому, то демоны меняются, то локации.

– Кто вы? В смысле несколько раз? – поинтересовался я.

– Долго рассказывать, а времени у нас нет. Где Саня? – перебил мужчина, оглядываясь по сторонам.

– Саня на самом верхнем ярусе, во владениях Бельфегора.

Мужчина направился к противоположной двери от кругов Ада. Хранилища камер восстановления располагались вдоль двух стен, по концам этого бесконечного коридора находились две двери, одна дверь вела в круги Ада, к ежедневным пыткам, другая же вела в неизвестность, оттуда приходят бесы и демоны.

– Мистер, нам туда, – стоя на месте, сказал я и показал на дверь в противоположной стороне, которая выходила в пыточную.

– Хочешь быть замеченным? Пойдем за кулисами, – отдаляясь от меня, пробормотал незнакомец.

Выбора особо у меня не было, и я устремился за этим че-

ловеком.

Неизвестный вытащил из кармана черный шар, размер которого был чуть меньше теннисного мяча, от него шло тусклое свечение цвета слоновой кости, и перед нами открылся проход, стены расползлись в сторону, сформировав щель.

– Вперед, не отставай, – заходя в проход, крикнул мужчина.

На той стороне я увидел бесконечное пространство, которое было заполнено острейшими металлическими скалами. Скалы походили на лезвия ножей, но различной формы, некоторые искривленные, другие закрученные, прямые и поломанные, гигантских размеров и маленьких, между ними бурлила лава, которая наверняка нагревала эту металлическую выставку острых предметов.

– Это ярус Асмодея. Пока не поднялась тревога, нам нужно попасть в комнату порталов между ярусами. Ей пользуется только Люцифер. – Мужчина показал пальцем на одну из скал поблизости, внутри нее виднелся проход. – На обратном пути нам уже так не повезет, Ад полностью закроется, каждый этаж Ада будет в недосягаемости, все придется делать самим.

– Тревога из-за моей пропажи?

– Да кому ты нужен, я шар у Вельзевула спер, – незнакомец достал шар, с помощью которого он открывал проход.

– Что?

– Хотя все выставят так, что это побег, так что отчасти ты

прав, ведь о шаре мало кто знает. У нас мало времени, пока демоны на пытках, нам надо успеть, хотя бы на первый этаж к Сане. Ах да. Чуть не забыл, держи, – незнакомец протянул мне какой-то металлический предмет на веревочке.

– Что это?

– Надевай, он защитит тебя от воздействия демонов. Они смогут только физически навредить тебе, но не попадут в голову, не подчинят своей воле.

Этот был небольшой металлический крест на кожаном шнуре. Не христианский. Просто перекрестие, размером со спичечный коробок, на котором нацарапаны, видно, от руки, какие-то символы. Такой небольшой предмет может создать блок от воздействия демонов? В это сложно поверить, но я с радостью натянул его на шею в надежде больше никогда не ощутить на себе демоническую силу.

Через некоторое время мы украдкой пробрались в зал порталов. Его охранял огромный несуразный толстый демон с бычьей головой, с виду сложно было даже предположить, что такое существо вообще может двигаться.

– Минотавр, старый добрый Минотавр. Понизили его, видимо, стал слишком слабым, ненужным.

Мужчина выскочил прямо на него, достал шар, и демона тут же затянуло внутрь.

– Шар Вельзевула – один из сильнейших артефактов в истории, но его заряжают душами. Демонические души слабые и практически не дают мощи, особенно старые, как этот Ми-

нотавр, вскоре он там растворится. Если это вообще можно душой считать. Сам же шар дает силу всех душ внутри носителю. То есть сейчас во мне течет сила Минотавра. Вельзевул взбесится, узнав, что шар пропал, но такие вещицы без присмотра оставлять нельзя.

Незнакомец подошел к крайнему portalу и вошел в него, я последовал за ним. Мы вышли на ярусе Бельфегора, тут было невероятно тихо и темно. Вокруг ничего, черная пустота, но в ней я отчетливо видел незнакомца и тусклый свет от шара, я старался не отстать от него.

– Нужно упереться в стену, – тихо сказал незнакомец. – Идем тихо, понятия не имею, что может быть в этой комнате.

Мы нащупали стену, неизвестный поднял шар, и перед нами снова возник проход, по ту сторону оказались камеры восстановления этого яруса.

– Саня! – крикнул мужчина.

– Отец? – раздался голос с другого конца помещения.

Незнакомец рванул в сторону источника звука и, когда через решетку увидел Саню, зарыдал. Трясущимися руками он открыл решетку и встал, смотря на сына.

– Привет, сынок, прошло столько времени. Я ж говорил, что вытащу тебя даже из Ада! – мужчина обнял Саню, сжимая его так крепко, что в какой-то момент мне показалось, что Саня умрет в его объятиях. – Сейчас в Ад попасть сложно, как ни странно из-за того, что творится в Раю, поэтому я так долго не приходил. После твоей смерти от рук торкве-

мадцев нас разделила судьба, но ни одна стена не разлучит нас навечно, сын.

– Я знал, что ты придешь, – похлопав по плечу отца, сказал Саня. – Знакомься, отец, это Говард. Мой хороший друг, если бы не он, я бы, наверное, забыл бы все из-за пыток. Но я старался держаться, как он.

– Данте, – протянув мне руку, сказал мужчина.

– Вы бессмертные? – спросил я, и пожал его руку.

– Ты знаешь о бессмертных? – спросил Саня.

– Мой сын был одним из них, пока его не убил... пока не нашли торквемадцы.

Саня задумчиво на меня посмотрел, потом он повернулся к Данте. Еще с секунду они смотрели друг другу в глаза и у них будто бы сошлись мысли, не произнося слов, они кивнули.

– Да, тот самый Данте, – сказал Саня, смотря в пустоту. – Данте Алигьери, автор «Божественной комедии». Как такое можно написать, если ты не был ни в Аду, ни в Раю? Правильно, никак, ибо он тут был большое количество раз. Легенда даже среди бессмертных. Но «Божественная комедия» устарела, Ад меняется.

– Она никогда не устареет, ведь я писал не про Ад, неуч. Это памятник истории, – сказал Данте, а потом шепотом обратился ко мне. – Что это с ним? – Он снова посмотрел на сына и улыбнулся, потом шепотом дополнил: – Он тронулся?

– С его слов, он видит человека, который якобы читает

нашу историю.

– Интересно, ну хоть с ума не сошел, такая сила у кого-то уже была, – прокомментировал Данте. – Идешь с нами, Говард?

Видимо, он говорил о силе бессмертных.

– С удовольствием, Данте.

– Отлично. Саня, я пришел в Ад за тобой, но помнишь ли ты нашу цель, цель спасения человечества от того, что происходит в Раю? И что для этого нам нужно.

Саня кивнул.

– Поэтому вы должны мне помочь украсть сильнейший артефакт Ада, а именно крылья Люцифера. Только с помощью них можно попасть в Рай, не умирая.

– Что происходит в Раю? – поинтересовался я.

– А, ты попал в Ад до всего этого абсурда, который перевернул все вверх дном. Я все объясню тебе на поверхности. Мироздание изменилось, и ради того, чтобы спасти человечество, нам нужны сильнейшие артефакты миров. Саня, что ж ты ему не рассказывал?

– Да он и не спрашивал о Земле, – улыбнулся Саня. – Ты как, Говард, готов к путешествию? Если нас поймают, то, возможно, мы уже никогда не покинем Ад, зато есть возможность удрать из него сегодня, если получится.

– Ради свободы стоит рискнуть, – ответил я.

Но на самом деле я питал надежду не просто выбраться. Если Данте смог попасть в Ад ради сына, может, и я найду

способ попасть в Рай к своему. Раньше мне казалось невозможным то, что живой человек может попасть в Ад и выйти из него, сейчас я верю в то, что можно сделать все что угодно, если захотеть.

Только Данте открыл проход обратно в темную комнату Бельфегора, как раздался страшный скрежет по всей преисподней, словно гигантский ржавый механизм запустился спустя тысячелетия.

– Вельзевул обнаружил кражу, – спокойно сказал Данте. – Надо идти на нижний ярус. Там и крылья, и выход. Порталы Люцифера наверняка уже закрыты, а если нет, то это ловушка, придется пройти каждый этаж пешком. – Данте набросил на сына защищающий талисман. – Что ж, держимся вместе. Мы выберемся, главное помните: камеры восстановления нам не помогут, так что не лезьте на рожон, делаем все тихо и аккуратно. Все как в Dark Souls, одно неверное движение нас убьет.

– Черт, отец, я ж ни одного босса пройти не смог в этих играх, мне пизда...

Мы шагнули в темноту...

3

– Идем вдоль стены, каждый этаж будут проверять, нужно стараться расслышать, откуда, кто придет. Полагаемся исключительно на слух, – шепнул нам Данте.

Раздался звук шагов, примерно в том месте, откуда мы попали в это помещение.

– Кто-то пришел из восстановительных камер, – тихо произнес я.

– Бельфегор. Его шаги я узнаю из тысячи. – Саня шел за отцом.

– Данте, поглотите его шаром Вельзевула, – вспомнив, как Данте провернул это с демоном в комнате с порталами, сказал я.

– Нельзя убивать основных демонов, они винтики мироздания, в Аду правит Люцифер, только он и может убивать высших демонов, менять их местами и делать замену. Так работает Ад, если это сделаем мы, все рухнет, – ответил мне Данте. – Все делается через высшего, может, там даже бумаги какие-то...

– Бюрократия даже в Аду, блядь, представьте Люцифера в адском МФЦ, хотя что представлять, мы все в этих заведениях превращаемся в «Люциферов», – еле сдерживая смех, сказал Саня.

Раздался хлопок, будто бы кто-то захлопнул дверь. Звук исходил метрах в пятидесяти от нас.

– Идем на звук, там наверняка выход, – сказал я.

Данте покачал головой.

– Нет, нет. Помни, где ты находишься и с кем имеешь дело. Этот звук, привлекает так, как мотыльков привлекает свечение лампы ночью. Бельфегор забросил крючок. – Дан-

те снял ботинок и кинул его как можно ближе к источнику недавнего звука. Раздался выстрел, и туда, где упал ботинок, вылетел красный энергетический шар. Взорвавшись, он осветил комнату, и я увидел Бельфегора и его длинный язык чуть ли не перед своим лицом. Одним ударом языка, как хлыстом, он отбросил всех нас в сторону.

Когда я встал, то в красном свечении, кроме демона и нас, я увидел парящих в воздухе котов.

– Что? Котики? – в недоумении вырвалось у меня.

– Котики. Ты разве не догадывался на Земле, что котики – это демоны? – сказал Саня, потирая голову после неудачного приземления. – Это супероружие Ада, разрабатывалось для захвата и контроля человечества, в какой-то степени это сработало, только котам стало похрен на Ад, да вообще похрен на все, кроме еды. А эти экземпляры видимо бракованные, я бы не стал их трогать...

Но я уже дотронулся до пролетающего мимо белого пушистого кота. Место моего касания вдруг зашипело и начало проваливаться вниз, словно моя рука – это кислота. Из прожженного отверстия побежали мини копии этого существа, и все они кричали одно слово: «жра-а-ать»...

Свечение шара пропало и раздался голос в темноте:

– Данте, давно не виделись.

– Выглядишь не очень, Бельфегор, как и всегда, – ответил ему Данте.

Бельфегор выглядел жалко по сравнению с другими демо-

нами, отвратительный голый старичок с рогами, хвостом и складками на пузе, но не стоит забывать, что он один из семи сильнейших существ Ада, так что внешность обманчива, не стоит его недооценивать, это наверняка будет стоить жизни.

– Так, я отвлеку его. Вы должны добраться до двери, она впереди, я видел ее после вспышки света, идите не сворачивая. Периодически зал будет освещаться, так что поспешите, – сказав это, Данте пошел в другую сторону, издавая шаркающие звуки.

– Пошли, Говард, отец знает, что делает, – Саня подтолкнул меня в спину.

Пока мы бежали к двери во время красных вспышек света, которые периодически освещали комнату, я оглядывался назад и наблюдал за сражением Бельфегора и Данте среди котиков. Данте уклонялся от ударов, то полностью уходя в темноту вместе с демоном, то снова появлялся во вспышке красного свечения. Он будто бы предвидел действия Бельфегора, не позволяя ему к себе приблизиться, да он просто издевался над ним, и демона это бесило. Бельфегор был в ярости, но ничего не мог сделать. Человек побеждает демона не на физическом уровне, а на каком-то психологическом, и это просто невероятно. Когда мы добежали до двери, Данте достал какой-то предмет и раздавил его в руке, в воздухе появились рунические символы, которые окружили Бельфегора, и тот застыл на месте.

– Это не конец, Данте, – прохрипел демон.

Данте поспешил к нам.

– Что это было? – спросил я.

– Рунический ладен, больше у меня нет... Он его сдержит на пару минут. Так что поспешим. – Данте достал шар Вельзевула и поднес к двери. – Некоторые демоны не выносят друг друга. Например, Бельфегор нас больше не побеспокоит, он рассорился со всеми, но вот дальше некоторые ярусы демонов объединены. Хотя я и давненько тут не был, но отношения между демонами не меняются за жалкие сотни лет.

– Зачем им эти места? – спросил я.

– Ты думаешь, что демоны живут только пытками? Раньше так и было, сейчас не так. Многие стали похожи на людей, эти места – их дом, как человек приходит домой после работы, так и они. Демоны не так уж и отличаются от нас, опять же сейчас, они так же все время хотят большего. Это их личные владения, их царства, и они сделают все, чтобы уничтожить нарушителей их «частной» собственности, – ответил Данте. – Всего четыре царства. Бельфегора мы прошли, ему достаточно посидеть в темноте, чтобы отдохнуть. Демон, которому недолго осталось, он сейчас испытывает смерть своего демонического сознания, думаю, что в следующий мой визит, если такой предвидится, его заменит кто-то другой. Земли, которые мы встретим дальше, под властью Мамона и Левиафана. Дальше мы посетим царство Асмодея и Сатаны. Потом место отдыха Вельзевула. И последнее пристанище – это озеро Люцифера. – Данте открыл дверь. – Добро пожа-

ловать в царство разврата.

4

Как только мы ступили на землю этого царства, в нос ударил резкий запах похоти. К сожалению, этот запах мне знаком, и знаком всем, кто проходит пытки в Аду. Он не похож на запах комнаты, в которой мужчина и женщина несколько мгновениями ранее уединились в порыве любви и ощутили касание чуда, может, даже Бога – этот запах, запах чего-то прекрасного, а запах похоти – это когда в этот аромат красоты, который тут выведен искусственно и лишь мельком похож на земной, добавляется запах слез, крови, безысходности и грязного желания. Похоть – это касание дьявола, и это касание инфицирует разум, а потом отдаляет человека от мгновения с Богом, и человек, пытаясь ощутить это мгновение снова, начинает превращаться в чудовище, которое калечит все на пути к тому, что оно уже никогда не почувствует, и души, которые пострадали от этого чудовища, чаще всего так же лишаются этого мгновения навсегда... Вообще все грехи так или иначе растут из желания получить больше, и это словно инструмент отсеивания слабых, ведь слабые легко ступают на этот путь, на путь, который уводит в сторону от чего-то прекрасного, но скрытого от человека.

– Как же тут душно, – помахав на себя рукой, пробормотал Саня.

Это и вправду непривычно для Ада, обычно в Аду сухой раскаленный воздух, но в этом месте влажность была невероятно высокой. В глаза бросалось небо этого места, оно было белое, неживое, словно гигантский беленый потолок.

– Хотя это царство двух демонов, все-таки Левиафан слишком большой, чтобы находиться во владениях Мамона, у него свой участок. И на этом участке находится дверь на следующий уровень, – подойдя к возвышенности, сказал Данте и показал пальцем куда-то вдаль.

Ничего нельзя было рассмотреть в том месте, куда он показывал, но все, что было до него, было похоже на средневековый городок. И чтобы нам попасть к участку Левиафана, видимо, придется пройти этот город.

– Город населен демонами, если они нас заметят, шансов на то, чтобы выжить у нас не будет. Но у меня есть план. Демоны, созданные Мамоном, не похожи на различных существ, будь это ангелы или человек, но Мамон любит заниматься, так скажем любовью, с разными существами, но все же они все демоны и имеют специфические запахи, которые могут быть только у них и выглядят они не как прекрасные создания Бога. Поэтому Мамон придумал костюмы, если их натянуть, демон становится практически не отличим от ангела или человека, но запах, запах не подделать. План прост, нам нужна одежда и кровь демонов. Придется поваляться в их крови и надеть их костюмы. – Данте был серьезен как никогда. – Помните, этот город для утех Мамона, если вы его

встретите, старайтесь обходить. Он выглядит как огромный жирный шар.

– Нет, он сейчас выглядит, как прекрасная демонесса, отец, – улыбнувшись, сказал Саня.

– Этот больной извращенец теперь женского пола? – в недоумении переспросил Саню Данте.

– Ха-ха, да, тенденции Земли дошли и до Ада, – рассмеялся Саня.

– Даже тут... Ну, вы меня поняли, нужно обходить Мамона, Мамону стороной. – Данте взглянул на город. – Теперь пошли за демонами.

Мы прокрались к самому ближайшему дому у входа в город. Старый полуразвалившийся домик.

– Говард, Саня, ждите меня тут. Когда будет чисто, дам сигнал, и вы зайдете в дом. – Данте украдкой влез в окно дома.

– Может, твоему отцу нужна помощь? – обратился я к Сэне.

– Если бы ты знал моего отца поближе, ты бы понял, что этот человек найдет выход из любой ситуации, поэтому я за него спокоен.

Только он мне ответил, как Данте в ту же секунду выглянул из окна и позвал нас внутрь. Внутри нас ждала кровавая сцена: три демона лежали с множественными ранениями, некоторые были без конечностей, будто бы их выдернули силой. И это смог сделать один человек?

– Шар Вельзевула дает мне силы, – сказал Данте, смотря на меня. Он будто бы прочитал мой вопрос в голове. – Даже представить не могу, какие силы будут у носителя, если шар зарядить на полную.

Данте подошел к гнилому шкафу в комнате и открыл дверь. Внутри было три костюма. Два из них выглядели как человеческая кожа, на которую были натянуты извращенские наряды, третий костюм походил на ангела. Костюмы висели вниз головой, и когда ты в последний момент смотришь на лицо и видишь отверстия под глаза, будто бы глаза совсем недавно вытащили из них, это настолько пугающе натурально, что я попятился назад, хоть и ухватил один из костюмов.

– Отец, нам обязательно в этом идти? – спросил Саня и посмотрел сначала на него, потом на меня. – Я лучше срежу кожу с демона и пойду в ней. – Саня уставил взгляд на последний из костюмов, что остался висеть в шкафу. – Это что костюм медсестры? – вытащив наряд, Саня бросил его на кровать. – Я не хочу в этом идти, что за хрень, – произнес он, не отводя взгляд от наряда. – Ты что улыбишься? – посмотрев в пустоту, сказал он. – Ты там якобы книгу с нашим участием читаешь, а мы тут, и нам это надевать, а вдруг нас вые...

– Саня, надевай, черт тебя дери! – крикнул Данте, а потом, подумав, серьезно сказал: – Не очень удачное выражение в нынешней ситуации. Ребят, мы слишком далеко зашли, надеть это и походить так полчаса, может, немного больше, это не конец света. – Данте выбрал наряд ангела с крыльями.

Он был прав, ведь обратного пути уже нет, и отступать из-за каких-то костюмов глупо. Саня, поковырявшись в шкафу, нашел штаны и пиджак.

– Хотя что-то, – тихо сказал он. – Сверху наброшу.

Мне достался костюм человеческого мужчины в одних штанах. Но перед тем, как нарядиться в эти «замечательные» костюмы, нам нужно искупаться в крови демонов. Так велел Данте, чтобы сбить человеческий запах.

Данте резал четко и верно там, откуда впоследствии хлынула кровь, он знал все эти точки, как мясник. Кровь заполнила пол всей комнаты. Первым туда лег Данте, пару раз перекрутившись на полу, он встал и пошел надевать свой костюм. Его примеру последовали и мы.

Когда я натянул костюм на себя, он моментально обхватил меня, словно сросся со мной. Я испугался, но увидел, как передо мной стоит женщина в костюме медсестры и ангел, будто бы они были настоящие, я понял, что костюмы делают из тебя точную копию существ. Мы словно были другими существами.

– Это пиздец, – милым женским голосом сказал Саня в образе медсестры и испугался произошедшего. – Даже голос поменялся. Зачем нам надевать костюмы людей, если мы и сами люди? – Саня набросил на себя пиджак и присел надеть штаны.

– Мы в розыске в Аду, Саня, все демоны уже нас в лицо знают, поверь мне, – ответил Данте, сдерживая смех.

Пройдя несколько улиц, мы убедились в том, что нас действительно не подозревают, мы пахли как настоящие демоны, а костюмы скрывали наш настоящий облик. Среди них мы были свои.

– Данте, ты сказал, что демоны не особо ладят между собой, так почему между их этажами есть двери? – спросил я.

– Они для Люцифера, как и комнаты с порталами. Он их начальник, так скажем, хочешь, не хочешь, но доступ к этажам у него должен быть. Но на самом деле, мне кажется, он редко пользуется этими дверями, они просто знак его власти перед всеми.

– Отец, смотри, – прервав наш разговор, сказал Саня и показал пальцем на толпу впереди.

Посреди толпы стояла Мамона. Демонесса с прекрасной фигурой. Вокруг нее толпились сотни существ, пуская слюни.

– Хм, толпа разделяется на две группы, видимо, одна для Мамоны, вторая для Левиафана? – предположил я.

– Скорее всего, так, – согласился со мной Данте. – Если нас разделят, не снимайте талисманы и постарайтесь не привлекать к себе внимание. Я всех найду. Сейчас же держимся вместе.

Приближаясь к демонессе, меня накрыло чувство отвращения. Талисман очистил мой разум от воли демонов, и теперь я словно видел отвратительное существо в прекрасной оболочке. Мамона остановила свой взгляд на мне...

– Ты сегодня будешь со мной, – и повернула меня в сторону высокого здания на площади.

Данте и Саня оказались в противоположной группе, которая двигалась в сторону от города. В голове почему-то появилась мысль, что они бросят меня, ведь Данте пришел в Ад за сыном.

Толпа не спеша двигалась к высокому дому посреди пустой площади. Для средневековой местности вокруг этот дом выглядел странно и неуместно. Пятиэтажное деревянное строение с неоновыми вывесками на непонятном мне языке. По мере нашего приближения к зданию оно становилось все больше и больше, неоновые огни становились ярче, а звуки, исходившие изнутри, не сулили мне ничего хорошего. Стоны, музыка и крики создавали вместе пугающую атмосферу: мне не выйти оттуда без пары новых ощущений, с которыми я знакомиться не хотел. Запах секса, который все усиливался и усиливался, лишь подтверждал мои мысли.

Когда я очутился внутри, мне больше всего бросились в глаза клетки под потолком, в которых танцевали обнаженные ангелы. На них то и дело залазили голые бесята с огромными инструментами между ног, их размер в разы превышал рост самих существ, и окропляли ангелов своими жидкостями. Вся толпа танцевала в неоновом свете, сближаясь, и трогая друг друга, словно изучая. В центре зала стояла синяя полицейская будка. «ТАРДИС»? Хорошо, что не телефонная будка, но это тоже плохой знак... Я встал у края, в надеж-

де, что ко мне никто не подойдет, но в ту же секунду, по моим плечам проскользнула, чья-то когтистая рука. Обернувшись, я увидел Мамону, полностью обнаженная демонесса взяла меня за руку и куда-то повела. Пока я следовал за ней, я рассматривал ее то ли волосы, то ли рога, которые красиво спускались до ее ягодиц. Хотя эта демонесса выглядела как топ-модель с боди-артом, мне не очень хотелось сейчас с ней оставаться в комнате, видя то, что она творит на пытках с людьми, да и зная, кто она на самом деле.

Открыв дверь в приватную комнату, она тут же толкнула меня на кровать и начала стаскивать с меня штаны.

– Как же ты натурально похож на человека, – с полным ртом слюны простонала Мамона. – Позабавимся немного, – сказав это, она посмотрела мне в глаза и раскрыла пасть в улыбке, внутри нее была целая куча крючковатых острых зубов. Потом она опустила взгляд туда, где бы я не хотел, его видеть. Если она сделает задуманное, то я скорее всего труп.

Я испугался, попытался вырваться, но демонесса была слишком сильна, она прижала меня к кровати и...

Стук в дверь, демонесса вскочила и подошла к ней. Я в этот момент подтянул штаны, которые уже практически сползли. В двери стоял простой демон, напоминавший орка из фильмов «Властелин колец».

– Госпожа, Левиафан требует душу, – произнес демон, смотря в пол.

– Непросто достать душу в наше время. – Она подошла к

шкафу в комнате и достала пузырек со светом. — Держи.

— Госпожа, — ответил демон и, откланявшись, вышел.

В открытом шкафу я увидел инструменты для садистов. Черт, я труп, точно труп.

Демонесса хотела бы вернуться ко мне, но будто бы что-то вспомнила.

— Забыла передать камень, без него он не пройдет через море и зря только потратит душу... — Мамона снова открыла шкаф, схватила камень и вышла из комнаты.

— Фух, — выдохнул я и вскочил с кровати.

Выглянув из комнаты, я осмотрел коридор, по которому она меня вела, он был ослепительно белый. Я не обратил внимание на это и на другие комнаты, когда шел с демонессой, мысли были заняты другим, теперь я видел их огромное количество. Я вышел и направился в сторону основного зала, из всех комнат доносились крики, вопли, стоны, звуки ломающейся мебели. Вот совершенно не хотелось знать, что там происходит. Наконец я вышел в зал, и меня чуть не снесло запахом секса. В зале, где минутой ранее все танцевали, была оргия из как минимум сотни тел. Они валялись на полу в таком количестве крови, что тела то и дело выныривали из нее, чтобы подышать, все это освещалось неоновым светом, что придавало зрелищности их действиям. Стоны боли и наслаждения сотрясали воздух. Все покрыты различными телесными жидкостями и кровью...

Но больше всего внимание привлекал огромный человек,

который имел квадратную форму, создавалось ощущение, что он сейчас взорвется. Квадратный человек, который не мог двигаться, лишь крутил головой из стороны в сторону и махал руками, ноги же его были глубоко в крови. Я оглядел зал и понял, что в него засунули ту синюю будку. Даже не хотелось предполагать как. Я подошел к нему. Когда вступил в зал, я провалился в болото из крови по колено...

– Накопил я пять тысяч адских бонусов в МамоноМега-Маркете, – заговорил со мной этот бедняга. – Решил купить эту синюю будку из человеческого сериала «Доктор Кто» в натуральную величину, с бонусами она вышла мне в один мамоноллар. Должны были доставить на задний двор моего дома, но, видимо, что-то перепутали...

Я посмотрел ему в лицо, оно светилось от счастья. Ох уж эти жертвы капитализма, даже демоны заразились этим вирусом. За все время в Аду я заметил забавную вещь: на Земле люди почему-то думают, что силы тьмы из Ада как-то влияют на их судьбу, что зло в мире идет откуда-то снизу, но на самом деле люди влияют на демонов значительно сильнее. Люди – это более могущественные демоны, они извращают как свой мир, так и незримые.

Потом перед моим взором пронеслось гигантское влагилице, которое что-то напевало, и меня выкинуло из ступора. Оно остановилось, развернулось и подлетело ко мне. Зависло напротив меня и, раздвинув половые губы, высунуло глаз. Огромный зеленый глаз. Он уставился на меня.

– Демон за всю жизнь имеет две личности, – сказало это существо, откуда исходил звук, я понять не мог. – Свою настоящую, ту, что появляется вначале, и ту, что создает Ад и его архидемоны. Первая стремится к покою и свободе, а вторая к наслаждению от крови, похоти и боли. Одна личность убивает другую, и всегда это вторая, ибо Ад – это система, в которой мы винтики, а инструмент, который нас вкручивает, нам не подвластен, он дает нам четкое представление того, что свобода и покой – это наслаждение Адом. А значит, существование первой личности лишь пшик? Да, ты скажешь, что есть третья личность, вернее фаза. Я слышала об этой мистической третьей фазе. Она подвластна лишь избранным, объединяет в себе обе личности в нечто единое. А может, наоборот, их отвергает? Эти демоны обрели внутренний покой и являются свободными даже в системе? Это даже понять сложно, а достичь и вовсе. Они выше покоя, выше наслаждений, выше Ада. А ты как думаешь? – зеленый глаз этого существа смотрел мне куда-то в лоб.

Что это? Я, конечно, понимаю, что философия – это одна из самых жестоких разновидностей секса, да даже психологического садизма, но уж точно не ожидал этого в Аду.

– У людей та же проблема, – ответил я.

– У людей? – существо хлопнуло половыми губами, чтобы смочить свой глаз непонятной жидкостью нежно-телесного цвета. – А ты хорошо вжился в роль. Я о людях мало что знаю. Мне кажется, у них все немного сложнее, ведь у

человека есть душа, которая может влиять на выбор, у демонов ее нет, поэтому третья фаза – это миф в Аду. Но земная жизнь единственная в мироздании, где человек может меняться по своей воле, в других мирах, после смерти, у них воли нет. Поэтому земная жизнь так ценна, ибо только она может освободить...

– Наверное, я о них тоже ничего не знаю, ибо воли у них нет и на Земле, – ответил я.

– Тогда человек ничем не отличается от демонов...

Я смотрю в глаз существу и молчу. Оно тоже еще немного повисело передо мной, а потом улетело в толпу, которая перешла на кровавые развлечения. Они стегали себя хлыстами, разрывали части своих тел, которые потом подвергались орошению жидкостями демонов. Дальше будет хуже, нужно было немедленно выбираться. Медленно прокраившись через все это похотливое стадо, я наконец вышел из дома.

Я рванул к тому месту, где нас с Данте и Саней разделили. Пробежал пару десятков метров, и меня кто-то схватил сзади и затащил за ближайшее укрытие. Я замахнулся, чтобы ударить обидчика, и увидел ангела, это был облик Данте.

– Тихо, тихо. Она возвращается, – сказал он.

Я увидел Мамону, что шла в сторону дома. Если бы не Данте, то сейчас бы уж точно все закончилось плохо.

– Спасибо. Я думал, вы меня бросили, – встав, произнес я.

– Только изверги могут бросить душу человека на явное уничтожение, – прокомментировав мои слова, Данте дви-

нулся вперед.

– А где Саня?

– Стоит у моря, думает, как нам там пройти.

– Я видел, как Мамона взяла камень из шкафа и понесла его демону. С его помощью он должен был доставить душу Левиафану.

– Хм, давно он ушел? – спросил Данте.

– Минут пять назад, – ответил я, и мы ускорили темп.

Через несколько минут непрерывного бега мы увидели медленно идущего к морю демона. Данте без особых усилий убил его.

– Так, колба с душой и камень, – обыскивая демона, произнес Данте.

– Душу мы отпустим? – поинтересовался я.

– Нет, к сожалению. Да несколькими минутами ранее я сказал тебе, что только изверги бросают душу на уничтожение. Но сейчас это единственный выход, чтобы выбраться. Уж поверь, жертва этой души спасет миллиарды жизней, – ответил мне Данте, смотря на колбу. – Мы пойдем к Левиафану как курьеры души. Другого выхода у нас нет. Ведь Левиафан наверняка находится рядом с дверью на другой ярус Ада.

Пришлось безмолвно согласиться на этот план. Мне, безусловно, он не нравился. Хоть Данте и вернулся за мной, он так просто готов пожертвовать другой душой, хоть и якобы ради спасения миллиардов. На данный момент создается

ощущение, что ради себя и сына. Но сделал бы я по-другому в его положении? Скорее всего, нет. Поэтому я просто смирился.

5

Когда мы вышли к берегу, я увидел Саню в женском облике. Он стоял и смотрел вдаль. Приблизившись к морю так, чтобы наконец увидеть воду, я обомлел. Вместо воды там были тела мертвых демонов в человеческих костюмах и без, некоторые мертвые, другие занимались сексом среди трупов. Бесконечный поток тел, и неизвестно, какая у этого моря глубина. Я мог бы оказаться среди них...

— Говард, живой? Надеюсь, демоны тебя не испортили? В тебе нет инородных объектов? Ну ты понял, о чем я, — усмехнувшись, сказал Саня нежным женским голосом и подошел ко мне.

— Не испортили, — отвесив ему подзатыльник, ответил я.

— Эй, — держась за голову, выкрикнул Саня. — Вопрос с объектами остался открытым.

— Так, у нас есть камень, с помощью него мы пройдем, — показав камень Сане, Данте шагнул в море демонических тел. Демоны, будь они мертвы или живы, тут же начали расступаться перед ним, словно перед Данте была невидимая рука, которая разгребала все перед собой. — За мной.

— Отец, ты прям, как Моисей, — посмотрев на то, как те-

ла демонов образовывали две стены, а между ними проход, сказал Саня, – Говард, ты когда-нибудь улыбнешься?

Я промолчал.

Образовывалась дорога, мы разрезали море ровно на две части, и чем глубже мы заходили, тем выше стены из демонов были по сторонам. По ним текла кровь свежих тел и гниль разложившихся, запах был соответствующий этому зрелищу. Живые пытались пробираться вверх, как черви, они проделывали себе проходы, но масса трупов не давала им пробраться далеко, им суждено умереть здесь, в куче биомассы. Даже для демонов такая смерть жестока. Не хотелось бы умереть в этом месиве.

Мы шли, казалось бы, часа два, пока впереди не послышался треск костей. Гора тел зашевелилась, и из нее показалась голова Левиафана.

– Щ-щ-щ-щ. Принещ-щ-ли мне душ-щу, – прошипел змей, разглядывая нас. – Давайте ее щ-щуа.

– Мамона сказала отдать вам душу, после того как мы проверим дверь. Ведь вы, наверное, слышали, что несколько человек сбежали? – громко сказал Данте.

– Мамона, думает, что я настольщко глуп, щ-щ-щ. Думает, что кто-то сможет найти дверь в этом океане щ-щмерти? – Левиафан понюхал воздух вокруг нас. – Я учую людей легко, демоны пахнут серой, как вы. А вот душ-ща, которая у вас в колбе, пахнет жизнью, щ-щтранно, обычно мне носят уже очищенные душ-щи, а эта пахнет силой четырех. Насто-

ящее совершенство. Мощная душ-щ-а, – облизнувшись, сказал Левиафан, – Хорошо, щтупайте за мной.

Мы переглянулись, Данте поднял камень повыше и последовал за змеем.

– Отец, тебе не кажется, что он просто избавится от нас и заберет душу? – Саня посмотрел наверх, а там уже тела образовывали арку, настолько глубоко в море мы уже были, что сила камня не могла пробивать путь до света, его застилали трупы.

– Вряд ли, ведь Мамона демон выше его в иерархии, и он понимает, что она сильнее. И послушаться ее приказа – это все равно, что объявить войну, в которой не победить. Вот то, что он чувствует четыре души, хоть и думает, что это одна такая сильная, это может стать проблемой.

– А как нам войти в дверь, если он будет постоянно рядом? – поинтересовался я.

– Для этого нам и нужна душа, ведь демоны не устоят перед очищенной душой. Раньше демоны и не думали о том, как бы поглотить человеческую душу, для них это был редкий деликатес, но потом они на это подсели. Им не нужны души для питания, это как наркотик, который раньше давал им невероятный всплеск гастрономических и подсознательных ощущений, но потом это стало лишь привычкой. Стали зависимыми. Но сейчас времена изменились, душ стало меньше, пропажу заметить легче, а Люцифер хоть и дьявол, но справедливый. – Данте спрятал колбу. – Чистая душа не

осквернена ни злом, ни добром, ни сознанием, ни разумом. Она сильнее любой земной души, ведь это сила пустоты. Эта душа даст нам время на то, чтобы сбежать.

– Как демоны вообще могут доставать души? – спросил Саня. – Ведь они не могут просто взять и сожрать любую душу.

– В любой системе есть дыры, – ответил Данте.

Змей остановился и начал быстро раскидывать тела демонов в разные стороны, словно копая. Через несколько секунд на дне показалась дверь. Она лежала горизонтально.

– Вот дверь. Щ-щ-щ-щ. Душу, – прошипел змей, приблизившись своей гигантской головой к нам. Поток выдыхаемого им воздуха мог сбить с ног.

Данте приоткрыл колбу.

– Что ты делаешь. Щ-щ-щ. Не упусти...

Данте полностью открыл колбу, и душа рванула вверх. Стремясь на поверхность. Змей быстрыми ловкими движениями поплыл сквозь толщи тел, преследуя ее.

– Быстро, быстро, – крикнул Данте и подбежал к двери, достал шар Вельзевула, и дверь отворилась.

Мы тут же запрыгнули внутрь, Данте ловким движением схватился за дверь и, прыгнув вниз, захлопнул ее. Сверху послышался громкий удар, видимо, змей врезался в дверь со всего размаха или масса трупов свалилась сверху, но это было уже неважно.

После прыжка в дверь на дне моря Левиафана мы находились в свободном падении. А под нами виднелись острые как бритва скалы, между которыми бурлила лава. Падение с такой высоты на скалы или в лаву – это явная смерть.

Саня уже был у земли, когда я подумал, что все, это конец. Столько усилий, и вот завтра я уже вернусь к своим пыткам снова. Но Саня, к моему удивлению, не превратился в кровавый блин, а просто завис в воздухе в нескольких сантиметрах над землей. Через несколько секунд я уже составил ему компанию.

Данте мгновением позже с легкостью приземлился на ноги и подошел к нам.

– Что висим, переворачивайтесь. – Он подошел к нам и поставил на ноги. – Мы в царстве Асмодея и Сатаны.

Я посмотрел наверх, откуда мы только что упали. Небо этого яруса было огненным, оно реально было из огня.

Как же мне не хотелось встретить Асмодея тут, я уверен на все сто процентов, что даже в месте своего отдыха он кого-нибудь пытается, ведь по нему видно, что он этим живет. Единственное, что радовало: его воздействие на меня работать больше не будет. Вообще все путешествие – уже чудо, ибо почти сутки я был без пыток...

– Отец, куда нам идти? – снимая с себя костюм женщины

для игр, произнес Саня, он отшвырнул костюм в сторону.

Посмотрев на него, мы с Данте последовали его примеру, но с костюмов пришлось снять штаны, чтобы хоть что-то осталось на нас.

– Вы, когда летели, смотрели бы по сторонам. Ведь это лучше, чем просто ожидать смерти. Там недалеко есть темная зона, по сравнению с этой, – показав пальцем в сторону, сказал Данте. – Я уверен, что это земли Сатаны, дверь там, ведь кому доверить дверь, если не мастеру обмана. Вот как нам туда добраться? – Данте осмотрелся, и обратил внимание на стальные подвесные мосты вдоль всех пропастей с магмой. – Может, по этим мостам.

– Мне кажется, плохая идея идти по стальным мостам, ведь мы на них зажаримся, – молвил я и посмотрел на свои босые ноги. – Мы же как-то переместились отсюда в место Бельфегора с помощью порталов, может, можно переместиться на ярус ниже?

– Порталы закрыты, ведь Вельзевул поднял тревогу, ты сам слышал, думаешь, они бы не прикрыли явные пути отхода или вовсе не сделали засаду? – произнес Данте. – Я же уже говорил, порталы – не выход.

– Но так же они могли бы и двери охранять, – возразил я.

– Им даже в голову не приходит, что человек может знать о дверях. Ведь они созданы на месте падения Люцифера. Да, я открываю двери с помощью шара Вельзевула, но он явно не расскажет своим собратям о том, что тайно посещает их

миры, незаконно посещает. А сами демоны уж точно ничего не будут делать, зная, что через их дверь прошел человек, ибо это позор. Если их и спросят, они будут все отрицать. Поэтому поверь мне, Говард, двери – наш единственный выход, по крайней мере, из этого царства.

Выхода не было, нужно было идти по мостам. Подойдя к первому, я наступил на него ногой, температура металла была высокой, но казалось, что ее можно вытерпеть, надо лишь быстрее двигаться.

– Зачем металлические мосты? – спросил Саня, обращаясь к отцу.

– Не знаю, может, они более долговечные, – ответил тот.

Только Данте договорил, как раздался непонятный скрежет и рык. Из-за скалы за нами, появилось чудовище с мощными мускулистыми конечностями, с тремя огромными собачьими головами со слюнявыми пастьми, все их морды от подбородка до лба покрыты большим количеством маленьких черных глаз. Верхом на нем сидел Асмодей.

– Говард, ты думал, я не учую своего лучшего подопытного? – прорычал Асмодей, и его чудовище вместе с ним шагнуло на мост. – Кто тут с тобой? Знаменитый Данте и его сынок. У меня есть к вам предложение: отдаете мне Говарда, и я вас отпускаю, все равно дальше лабиринта Сатаны вы не пройдете. Либо я убиваю вас всех.

В своей ковбойской одежде и верхом на этом чудовище он теперь действительно походил на шерифа Ада. Желтые глаза

впились в меня, и если бы его воздействие работало, то я уже бы страдал, а может, и вовсе уже лежал в восстановительной камере.

Я посмотрел на Саню и Данте. Данте стоял, задумавшись. Меня не покидало ощущение, что вот он момент, когда человек стоит перед выбором попытаться спасти другого или спастись самому.

– Бегите! – прокричал Данте и достал что-то из карманов штанов.

Саня схватил меня за плечо и подтолкнул вперед, мы быстро пробежали мост и обернулись. Данте бросил предмет на мост, сам же рванул к нам. Взрыв, мост рушится и падает вниз вместе с Асмодеем, Данте и чудовищем.

– Отец! – закричал Саня и подбежал к краю ущелья, там, ухватившись за край, висел Данте.

– Что смотришь, Саня, тащи! – крикнул я, и вместе мы вытащили Данте.

– Нужно бежать! – не теряя времени, Данте встал и рванул к следующему мосту.

В этот самый момент, смотря в спину этому человеку, я понял, что последую за ним куда угодно. Данте – это тот, кому можно доверять.

Мы пробегали мост за мостом, ноги постепенно начали получать ожоги, появлялись волдыри, которые лопались, как только мы ступали на скалистую местность между мостами. Но это было полбеды, ведь мы постоянно слышали скрежет

когтей по металлу позади нас, а значит, за нами погоня, останавливаться, чтобы перевести дух, будет равносильно смерти.

– Говард! – слышался голос Асмодея.

Он был невероятно взбешен, не знаю, что будет со мной, если он поймает меня. Что было бы со мной, если бы не талисман Данте, который защищает меня от воздействия демона.

Казалось, что мы бежали вечность, ноги стерты в кровь, оставляли кровавые следы на мостах. Преследователь был медлительный, но и нас силы уже покидали, еще немного, и мы уже не сможем выдерживать темп. Но потом мы очутились посреди поля, вместо скал мы оказались среди травы. Это было неожиданно.

Поле цветов, они были похожи на тюльпаны с закрытыми бутонами, разве что у тюльпанов нет крови между лепестками, тут же бутоны все в крови.

– Черт, а Асмодей-то по ходу фермер, – с улыбкой сказал Саня, не сбавляя темп бега. – Кто бы мог подумать, работает терзателем и приходит отдыхать душой в свой мирок...

Мы остановились, чтобы отдышаться, Асмодея позади не было видно. Но только мы присели так, чтобы нас не было видно из-под цветов, они были достаточно высокие, как Саня издал непонятный звук и вскочил.

– Что ты встал? – спросил Данте.

– Меня за жопу кто-то укусил. – Саня посмотрел на то

место, где его пятая точка получила урон, потом потер глаза, словно не веря в то, что он видит.

Мы посмотрели туда же и увидели распутившийся цветок. Кровоточащий бутон в раскрытом положении выглядел как маленькая отрубленная человеческая голова. Немного гнилая, кровоточащая из всех отверстий.

– Что вылупились? – сказала голова на стебле.

Саня опустился на корточки и протянул руку, чтобы сорвать говорящее растение. Оно оскалило зубы и попыталось схватить Саню за палец, да так резко, что он упал на свою пятую точку.

– Да кем ты себя считаешь, чтобы руки распускать, затупок? Я ж тебя не лапал, хоть и рук у меня, конечно, нет, но поверь, я до такого не опустился бы.

– Ты меня за задницу укусил, Чупа Чупс для извращенцев...

– Но не лапал же, хе-хе, – парировало растение. – Кто вы вообще такие? Паразиты какие-то? Пришли сожрать меня? – существо собрало слюни в рот и смачно плюнуло в лицо Сане, прямиком в глаз.

– Ах ты ж, кочерыжка ебаная, я тебя сейчас проучу! – Саня хотел пнуть голову ногой, но та как заорет.

Все бутоны вокруг начали раскрываться и неистово орать. Потом раздался грохот и яркий свет ослепил нас. Навстречу нам выехало то ли устройство, то ли животное. Оно походило на гигантскую рыбу с маленькими лапками, в пасти кото-

рой возвращаются зубы, впереди свисал ус, который и был источником света. Непонятно, живое или нет, но оно выполняло функцию комбайна. Собирало эти головы в специальный контейнер, который виднелся позади. И вот это хрень мчалась к нам на всех парах.

– Бежим! – крикнул Саня и побежал.

Мы рванули за ним. Весь наш побег сопровождался криками этих голов, которые орали еще громче, когда до них добирался этот комбайн.

– Что нам делать, отец? – задыхаясь, сказал Саня.

– Для начала сойти с пути комбайна.

– А зачем мы бежим по пути? – сказал Саня в недоумении.

– Ну ты побежал, и я побежал.

Саня посмотрел на отца, тот на него. Потом они свернули в сторону, я последовал за ними. Комбайн проехал мимо, не обращая на нас внимания, похоже это была какая-то запрограммированная адская машина.

– Во, отец, я вижу темную зону и проход между скал, – крикнул Саня.

– Да, это вход в лабиринт, туда нам и надо.

И действительно, вдали торчал темный проход. Асмодей говорил, что-то про лабиринт Сатаны, похоже, это он и был.

– Быстрее, парни, поднажмите! – крикнул Данте. – В лабиринт Асмодей вряд ли сунется без разрешения.

Позади нас наконец показался Асмодей на чудовище. Он словно обходил поле стороной, наверное, не хотел портить

урожай. Когда мы уже подбегали ко входу в лабиринт, цербер взял демона в лапу и запустил прямиком в нас. Демон гнева приземлился в паре метров от нас и чуть не схватил Данте за ногу, когда он вбегал в проход последним.

– Вы все равно не пройдете лабиринт, – смотря на нас, произнес Асмодей. – И тогда мы встретимся с тобой Говард. Это будет очень скоро...

Я обернулся и смотрел на него, хотел бы развернуться, забыть его как страшный сон, но он снял маску. Он снял свою чертову маску, а за ней был Деймос, мой брат.

– Вот он я, Говард, ты так жаждал встречи со мной. Выходи, отомсти за сына, – произнес он, улыбаясь.

Я шагнул вперед, но меня удержал Саня, он сильно ударил меня по щеке.

– Приди в себя, Говард.

Снова мой взгляд упал на Асмодее, но теперь он стоял в своем привычном виде. Но секундой позже он снова снял маску, разорвал одежду и стал расти. Через мгновение он выглядел как трехметровое массивное человекоподобное существо. Из его плеч торчали две козлиные головы, которые постоянно издавали противный звук, вроде монотонного звучания оркестровой трубы. Ноги демона не были похожи на человеческие, но и сказать, что это ноги какого-то животного, нельзя, по крайней мере, я подобных существ на Земле не видел. Отличались они от человеческих ступнями, вернее их отсутствием, вместо них были присоски, вокруг

которых тысячи маленьких лапок, как у сороконожек. Длинный хвост, как хлыст, постоянно разрезал воздух. Но самое отвратительное – это голова. Большая, волосатая, как и все тело, через эти волосы не видно ничего, кроме двух огромных желтых глаза, совсем немного голова напоминала кошачью. Когда он открыл пасть и оскалился, зубы сразу забрали все внимание, как ни странно, но это бесчисленное количество острейших клыков были белого цвета. Черт, ослепительно-белые зубы.

– Еба-а-ать, – протянул Саня, – я знал, что все стоматологи попадают в Ад, вот оно живое доказательство.

Данте подошел ко мне и развернул лицом к себе.

– Что ты видел до этого? – спросил он.

– Брата...

– Черт, – выдохнул он. – Твое сознание на грани. Я боюсь представить, что за бардак у тебя в голове. На Земле будет еще хуже...

– Жду тебя, Говард. Ха-ха-ха, – его злобный смех раздавался эхом и проникал в самые потаенные места души.

Момент, когда ты думаешь, что скоро всепустишь, все забудешь, – это какой-то страшный самообман. Всегда случается что-то, что вернет тебя назад. Я действительно думал, в момент последней пытки, что все, моя душа практически очищена, что я скоро перестрадаю свои тяготы. Я бы смог спастись, если бы хотел. Но сейчас я ощущаю то, что мой разум лишь выстроил стену, чтобы предпринять последнюю

попытку защитить себя от своих же мыслей, но это лишь временный барьер, никакого шага в сторону очищения не было. Стена сдерживает тьму, но трескается и рано или поздно разлетится к чертям. И трещину в барьере создал я сам, снова и снова ковыряя его. Возможно, не стоило этого делать, возможно, я должен был пройти все до конца, чтобы мысли за барьером все же уничтожились пытками, чтобы за стеной ничего не было. Возможно, нужно было очиститься, ведь оставалось совсем немного. Или мою душу нельзя очистить? Но теперь, кажется, что мою стену уже не починить, через трещины снова сочится ужас моего сознания, и скоро стены не будет. И это уничтожит меня, возможно, раньше, чем я доберусь до брата, если он вообще еще жив...

Мы пошли вглубь лабиринта.

7

Лабиринт выстроен полностью из темно-зеленого камня, его стены возвышались на сотни метров, а запах горелой плоти был так силен, что приходилось прикрывать нос рукой.

Мы ходили по нему часами...

– Что ты сделал на Земле, чтобы попасть в Ад? Да еще и к Асмодею, – спросил меня Данте, пока мы шли по очередному ответвлению лабиринта.

– Убил тварь, которая убила моего сына, – ответил я и посмотрел на Данте.

Я поведал ему историю о предательстве брата, о некой организации «Тень», которой, видимо, он и служил, и о том, как безжалостно я отомстил за сына, но месть была неполной, ведь брат остался жив.

– Однажды жизнь забирает у тебя все, а взамен дает лишь кошмар, который по правилам сложно унять. Порой мироздание несправедливо, я бы за такое в Ад не отправлял, – тихо сказал Данте. – Но так устроен этот мир, боль, которую ты терпишь, не унять мстью, к сожалению. Мсть делает все еще хуже. Сам проходил через такое десятки раз и могу сказать это наверняка. Но ты и сам это понимаешь, не так ли?

Я кивнул.

– Почему твой брат так поступил, Говард? – подслушав наш разговор, произнес Саня.

– Я видел множество жизней и заметил одну тенденцию, по которой строится большинство грехов человека, – сказал я и обратил свой взор на Саню. – Сначала любой человек ищет любовь, если он ее не получает или разочаровывается, то дальше он пытается сделать все, чтобы им восхищались, боготворили. Если и с этим не получается, человек делает так, чтобы его боялись, а потом ненавидели.

Саня понимающе кивнул и не стал дальше расспрашивать меня о брате. Но я обязательно ему расскажу обо всем, но сейчас не то время. Нужно думать, как найти дверь.

– Данте, вы бывали в этом лабиринте? – спросил я.

– Когда я пытался сбежать из Ада в последний раз, я оста-

новился тут, и не смог выбраться, заплутал, так в нем и погиб, – ответил он.

Его ответ не внушал оптимизма.

Что-то сверкнуло впереди нас, и все вокруг резко потемнело, ослепило, нас обдало волной воздуха, который повалил всех на землю. Потом тьма в глазах начала отступать и на другом конце нашего пути проявилась обожженная фигура.

– Сатана, – вырвалось у Сани.

Сатана стоял практически неподвижно, наклонив голову набок. Снова вспышка света, как разряд молнии, после которой обожженной фигуры уже не было.

– Черт, он воздействует на наш разум. Ведь он не демон, – явно нервничая, пробормотал Данте и взялся за подвеску на груди. – Против ангелов такой фигни у меня нет.

– Но разве не все архидемоны – это падшие ангелы? – спросил Саня. – Разве что Вельзевула и Левиафана трудно представить на небесах.

– Архидемоном не рождаются, им становятся. Ты прав, все они – это падшие ангелы, кроме Вельзевула, даже змей, но Сатана и Люцифер еще не стали демонами, хотя Сатана очень близок к этому, но, к сожалению для нас, он еще сохранил ангельскую черту.

Если уж Данте занервничал, то дела действительно плохи. Я знал, что Сатана из тех, кто играет со своими жертвами, чаще всего на их воспоминаниях. Но даже если ты знаешь это, ты не можешь быть к этому готов.

– Что нам делать, отец? – спросил Саня.

– Нужно играть по его правилам. Нам нужно перехитрить Сатану...

Немного промешкавшись, Данте пошел именно туда, где несколько минут назад стоял падший ангел. Как только мы настигли то самое место, сверкнуло так сильно, что пришлось отвернуться от свечения, прикрываясь рукой.

– А вот и беглецы, – еле слышно сказал Сатана, он стоял прямо перед нами. – Я мог бы прямо сейчас прихлопнуть всех троих, но мы поступим по-человечески. Сыграем в игру, где вам надо будет выбирать. Ведь человек всю жизнь играет в эту игру, поэтому вам не будет сложно.

– Что мы получим, если победим? – гордо сказал Данте.

– Свободу я вам не дам, но... пожалуй, покажу вам дверь к Вельзевулу, ведь ради нее вы здесь?

– По рукам.

– Правила игры просты: перед вами будут возникать две двери, каждый раз вы будете знать, что вас там ждет. Но не все так просто, каждый будет проходить испытание по отдельности, и, если хоть один из вас выберет дверь, которую не выбрали другие, игра окончена, и вы проиграли. – Сатана стоял так близко, что можно было ощутить его дыхание на своей коже.

– Дай нам минуту, Сатана, – попросил его Данте.

– Да хоть вечность.

– Слушайте меня внимательно, – Данте поманил нас ру-

кой, и мы образовали круг, словно спортивная команда перед соревнованиями. — Он будет играть с вашими желаниями, но не ведитесь на это, помните, вашу хотелку он не предложит другому человеку, то есть у меня и у тебя, например, Говард, будет одна разная дверь, и одна одинаковая. Ведь твоя «хорошая» дверь для меня ничего не значит, значит, идем в плохую. Если нам будут выпадать двери с четким выбором, послабление или муки Ада, всегда выбирайте второе. Думайте над выбором, он попытается нас обмануть. Надеюсь, понятно донес мысль. Помните, он олицетворение обмана, лучше выбрать адскую дверь, зная, что через нее пройдут и твои друзья, чем райскую, через которую пройдешь только ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.